

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Хитенков

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Стихотворения.
Незавершённое, наброски

Волгодонск
2018

84 Рос 6

С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений. Т. 10.: Стихотворения. Незавершённое, наброски / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск: Самиздат, 2019. – 283 с.

В десятом томе собрания сочинений собраны стихотворения, незавершённые стихи и наброски

Последние стихотворения

* * *

Я – ангел хранитель,
я вечен, как бог,
я – главный спаситель
и таинств знаток.

Всегда за спиною,
за правым плечом,
слежу за душою
и ночью, и днём.

Я связан навеки
самою судьбой
с одним человеком
верёвкой одной.

Я помыслы злые,
лихую беду,
как Матерь Мария,
рукой отведу.

С рожденья до смерти
стою на посту...
Я здесь – значит черти
от вас за версту.

* * *

Посыпал изумрудный дождь
на мостовую. Мостовая
сама того не сознавая
вдруг засверкала, словно брошь.

И люди, видя под ногами
такой бесценный самоцвет,
ступают мягко каблуками,
как в царской зале на паркет.

* * *

Мирно дремлют горы
под седой луной.
На ночных просторах
царствует покой.

Не щебечут птицы,
замер небосвод.
Не спеши, возница,
скоро наш черёд.

* * *

У подножья гор высоких,
что целуют губы туч,
из неведомых истоков
сквозь песок пробился ключ.

Был он маленький, как крошка,
как расточек юный хил,
он ничьи ещё ладошки
не обмыл, не освежил.

Он потёк. Куда – не знаю.
От седой зимы в весну,
из родительского края
в чужедальнюю страну.

Рядом бродят стаи волчьи,
день и ночь пасётся скот,
но никто и знать не хочет,
что такое здесь течёт.

От него ни капли прока,
но и вроде нет вреда
и морока – не морока,
ерунда – не ерунда.

И никто из них не знает,
не возьмёт во веки в толк,
что здесь чудо обитает.
Этот жалкий ручеёк –

есть исток реки могучей,
чья холодная вода

каждый год штурмует кручи
и смывает города.

Он качает пароходы,
крутит тысячи турбин,
страны, города, народы
поит словно добрый джин.

Жаль, не каждый разумеет,
что и в маленьком есть прок.
Всё великое имеет
свой малюсенький исток.

* * *

Сейчас, наверно, лягу
и, может быть, усну,
кувшин холодной браги
не помешает сну.

Подушка, одеяло,
в ногах пушистый кот
хвостом, как опахалом,
себя по морде бьёт.

Мне тоже нет покоя
от этого хвоста:
Да что это такое,
гоните прочь кота!

Вот гнусная скотина –
бесстыжий маргинал.
Он выпил пол кувшина
и сон мой разогнал.

* * *

У неё не глаза – глазища
цвета тайной волшебной мечты,
на планете нашей не сыщешь
ничего подобного ты.

Всё увидят и всё приметят...
Если ты, конечно, не псих,
прячься. Только на белом свете
не спасёшься нигде от них.

* * *

Ветер, ветер, снова с юга
гонишь сырость и туман.
Мне бы нынче лучше выюгу
иль хоть маленький буран,

чтоб замёл мои печали,
заморозил бы стихи,
как невесту под вуалью
скрыл бы старые грехи.

* * *

Вот и розы уже отцвели,
и другие завяли цветы.
Улетели на юг журавли,
и куда-то уехала ты.

Опустели леса и поля,
не осталось вокруг ни шиша,
стала чёрной, черней чем земля
моя светлая прежде душа.

* * *

Старый дед с вечерней дури
сядет рано на крылечке,
трубку, охая, раскурит,
ярый дым совьёт в колечки.

Пустит в небо и раздует
по морям и океанам,
и страну свою родную
опьянит хмельным туманом.

Из Омара Хайяма

1

Ты видел свет, но всё, что ты видал — ничто,
и всё, что слышал ты и что сказал, — ничто,

весь мир прошёл, а что нашёл? Ничто.
А если б дома прозябал? И дома всё ничто.

2

Всю жизнь борюсь с собой, такие вот дела,
страдаю от того, что я плохой, такие вот
дела.

Допустим, ты меня простишь великодушно,
так стыд сожжёт, такие вот дела.

3

О богомолец, просим, помолчи,
Дай нам заняться делом, не кричи.
Шагаем прямо мы, а ты же смотришь криво,
оставь в покое нас, глаза свои лечи.

4

Любой из нас, в конце концов, умрёт,
уйдёт отсюда каждый в свой черёд.
Хоть падишах, а хоть базарный нищий –
любой из нас одной ценой пойдёт.

5

Одной рукой молюсь и пью вино другой,
порою всех боюсь, порою я герой.
Под небом бирюзовым изначально
всяк полупьяница и всяк полусвятой.

6

«Будь осторожен, — люди говорят, —
судьба коварна, словно женский взгляд.
Ты думаешь, она халву подносит?
Скорей всего, даёт смертельный яд».

7

Ради того, чтоб золото копить,
не стоит в этом светлом мире жить.
Пока душа твоя ещё живая,
гуляй с друзьями, что уж тут мудрить.

8

Всё изучил, познал все тайны он
и светом знаний разогнал ворон.
Но сам остался в темноте подвала,
а свет его — лишь сказки или сон.

9

Как жаль, что книгу юности прочёл,
и книга старости уже легла на стол.
А птица радости, такая молодая,
была иль нет? Искал, но не нашёл.

10

Учился в детстве я, а как подрос,
стал важным и задрал свой нос.

Так жизнь прошла. И что теперь в итоге?
Всё прахом стало, кто-то всё унёс.

11

Ты для меня устроил сто преград.
Коль провинюсь, грозишь отправить в ад.
Но это ж ты такую жизнь устроил,
а я-то в чём, скажи мне, виноват?

12

То платье дарят небеса и делают эмиром,
то как головку чеснока разденут перед миром.
Не думай лучше о судьбе, не трать напрасно
силы,
не то покинет ум тебя, как старца после пира.

13

Познать тебя умом я не могу никак,
мои молитвы для тебя пустяк.
Грешу – пьянею, не грешу – надеюсь,
что ты простишь, прощаешь ведь бродяг.

* * *

Преступно нерождённые,
невинно убиенные,
в земле не погребённые
заполнили вселенную.

Не плакали, не бегали,
детьми их души не были,
не довелось родиться им
по всем земным традициям.

Убитые мамашами,
забытые папашами,
ни слова вы не скажете
лишь крылышками машете
над городами нашими.

Проклятьями наказаны,
дороги вам заказаны:
без крестика, без гроба вы,
ни чёртовы, ни боговы.

Все говорят, что жертвы вы.
о милые, не верьте им.
При чём тут вы безгрешные,
словами не утешные,
слезами не обмытые,
убитые, убитые.

Ни боговы, ни чёртовы,
убитые абортами,
вы крылышками машете
над городами нашими.

А мы целуем пёсиков
и гладим им волосики,
и кормим мы из плошечек
не вас, а глупых кошечек.

Преступно не рождённые,
в земле не погребённые
над нашими могилами
летайте, дети, милые,

чтоб наши души грешные
не знали утешения.
Дай Бог нам тьму кромешную
и вечные мучения.

* * *

Кто в этот мир пришёл,
обязан и уйти.
Не должен он стоять
у юных на пути.

А ныне юный
тоже в свой черёд
пусть, как и мы,
безропотно уйдёт.

* * *

Скоро лето, скоро лето,
но пока ещё весна.

Только-только первоцветы
пробудились ото сна.

Раскудрявили головки,
оглядели всё вокруг:
«Ой, девчонки, как неловко,
обогнали мы подруг.

И зачем так встали рано –
холод тут ещё и грязь?
Заметелят вдруг бураны,
заморозят в усмерть нас».

Солнце глянуло: «Не дело
на других валить вину.
Землю я для вас согрело,
вы же делайте весну!»

* * *

Вся наша жизнь давно пошла вразнос,
кому пожалиться, к кому податься.
Есть, правда, в небе Иисус Христос,
но и к нему непросто достучаться.

* * *

Я опять гуляю в поле,
рядом ветер озорует.

Гнёт цветы он и до боли
в губы те цветы целует.

Ветер вольный, всё ты можешь,
не сдержать тебя преградой,
хочешь, девушек тревожишь,
хочешь, треплешь их наряды,

всё тебе на свете любо.
Мне бы так, но я робею.
Вижу я девичьи губы,
целовать лишь их не смею.

* * *

У меня на сердце осень,
хуже нет её постылой,
налетела и без спросу
мою душу охладила.

Кто теперь её согреет?
Друг забыл, ушла подруга.
Страшно мне. Боюсь, заведет
уже скоро злая вьюга.

Наметёт со зла сугробы,
ни жилья вокруг, ни люда,
никого – увы – нет, чтобы
увести меня отсюда.

Пожалеть, как мама в детстве,
подарить любовь и ласку,
отогреть в ладонях сердце
после зимней свистопляски.

У меня на сердце осень,
тяжело мне, безотрадно,
мне и мир уже несносен,
и стихи мои не складны.

* * *

Голуби под крышей ворковали,
и коты кричали во всю мочь.
Только мы с тобой на сеновале
говорили шёпотом всю ночь.

Говорили, жаль проходит лето,
осень поджидает у ворот.
Жёлтый лист, поэтами воспетый,
собрался в последний свой полёт.

А потом зима закарнавалит,
мир завалит волосом седым.
Мы тогда с тобой на сеновале
до утра навряд ли просидим.

Ты вздохнула: «Вот какое лихо,
без тебя мне не прожить и дня».
Я вздохнул и ей ответил тихо:
«А иди-ка замуж за меня».

* * *

Сегодня снова были музы
беззубые и с грязным пузом,
и все, заразы, с похмела.
Я тоже выпил с ними малость,
вернее то, что мне досталось...
Они ушли, и жизнь прошла.

* * *

Сижу на лавочке, уже совсем темно,
и звёзды мельтешат, как будто мошки.
Передо мною дом, и в доме том окно,
и ты в халатике с той стороны окошка.

А может, у тебя халата даже нет,
и ты в трико, а может быть, в пижаме.
Сидишь на кухне с мамой тет-а-тет
и что-то не спеша рассказываешь маме.

Ты знать не знаешь, что я тоже тут,
сижу на лавочке и мёрзну возле дома,

забыл я свой дурацкий институт
и не хочу я красного диплома.

Хочу, чтоб ты была моей женой,
и нету меры моему хотенью.
Готов я тенью бегать за тобой
и исполнять любые повеленья.

Я не сказал пока тебе о том,
к чему слова, я думаю о деле.
Я, кстати, нынче охраняю дом,
где ты спокойно нежишься в постели.

Не бойся ничего, я буду на посту,
я – часовой любви, я – раб, всего лишь.
Я жизнь отдам за светлую мечту,
конечно, если только ты позволишь.

* * *

Сижу и думаю о том и об этом,
о чём-то нужном и о чём-то не очень.
И вдруг я понял, что жизнь – эстафета,
биатлонная гонка для нас, между
прочим.

Бежим, торопимся с горки на горку,
толкаемся палками, искры из глаз,

ругаем себя, что ввязались в гонку,
и тех, кто на лыжи поставил нас.

А сердце готово взорваться в груди.
Зачем? Оно точно не знает.
Обидно, что кто-то уже впереди
точней и быстрее стреляет.

Прицелился, выстрелил, промах опять,
разбились мечты в прах и пух.
Придётся, наверно, к несчастью
бежать
ещё дополнительный круг.

Но вот и конец, пробежали и мы
своей эстафеты этап,
толкнули партнёров: «Бежите, сыны,
за мам своих и за пап».

* * *

Ты купила красивый наряд
и теперь в том наряде красива.
Признаюсь, я тому очень рад,
и как ты, несказанно счастливый.

Ты сегодня идёшь на концерт
и меня приглашаешь от скуки.

Я пошёл бы с тобой, только нет:
у меня не отглажены брюки,

и рубашка давно не нова,
пиджачок тоже, впрочем, не классный.
Я молчу, для чего мне слова...
Ты красива, и это прекрасно.

* * *

В заколдованном лесу
девица гуляет,
Она спелую росу
в кружку собирает.

«Ах ты, девица-краса,
я не понимаю,
для чего тебе роса?»
«Я сама не знаю.

Но в народе говорят,
если я росую
свой обрызгаю наряд
и лицо умою,

если выпью два глотка
на заре горючей,
стану легче мотылька,
буду самой лучшей.

Ну а ты мне не мешай,
проходи скорее,
а не хочешь, помогай,
вместе – веселее.

Я тебе уж так и быть
дам глотнуть из кружки,
будут и тебя любить
девицы подружки».

От такого предложенья
убегать негоже,
за девицей ходит тенью
молодой прохожий.

И росы уже не стало,
солнце скрылось в тучку,
А девчонка всё гуляла
с пареньком под ручку.

* * *

Говорите только о любви,
в этом человечества спасенье
днём ли ночью,
словно соловьи,
в понедельник, среду, воскресенье,
и в субботу, и в другие дни
говорите на любом наречье.

Женщинам понятны все они,
лишь бы всё сказать по-человечьи.

* * *

У поэта есть прекрасный повод,
отмолить у Господа грехи,
рассказав про свой любимый город,
где так славно пишутся стихи.

Я хожу, брожу по Волгодонску
взад-вперёд на дню десятков раз.
Я, клянусь, готов разбиться в доску,
чтобы удивить рассказом вас.

Ни об улицах, домах и скверах,
ни о всяких нужных пустяках,
ни о дамах, ни о кавалерах -
их полно и в прочих городах.

Я хочу вам рассказать о друге,
о Витьке Нагорном, побожусь,
его раньше знали все в округе,
строил город он, а значит Русь.

Строил Русь, а значит во вселенной
он оставил свой рабочий след.
Посмотрите, люди, несомненно,
здесь работал истинный поэт.

Он нашёл назначенные рифмы,
уложил их в строки кирпичей.
Ну, при чём здесь были логарифмы
и подсказки старых чертежей?

За строкой всюду бежали строчки,
помня про крепёж и метражи.
Запятые, буковки и точки
за день превращались в этажи.

Позабудьте про шаблоны, схемы...
У Витька особенный есть лоск,
он всю жизнь работал над поэмой
под названием город Волгодонск.

А теперь и я хожу степенно,
головой верчу по сторонам:
написать так город, несомненно,
не сумел бы даже Мандельштам.

Стрелец

Мир прозрел. Войне конец,
из сознания стёрлись тучи,
только буйный и кипучий
в небо спрятался стрелец.

Помнит он последний бой:
крики, трубы, барабаны,
окровавленные раны,
меч чужой над головой.

Помнит: падают друзья,
не уйти от этой сечи.
Все они уже далече,
им помочь никак нельзя.

Только память не мертва,
и в душе осталась вера,
что отыщет Люцифера
всенародная молва.

Нет пощады для врагов,
хоть в столице, хоть в глубинке,
поплясать Стрелец готов
хоть сейчас на их поминках.

А пока он будет ждать,
долго прятаться за тучей,
подвернётся всё же случай,
чтобы всё начать опять.

Он тогда пойдёт войной,
бить врага – святое дело.

Он, Стрелец, – стрелец умелый
всё решит одной стрелой.

* * *

Что наша жизнь? Рутина,
порожняя сума.
Когда б не Валентина,
давно б сошёл с ума.

Она в окно светила,
как солнце из-за штор,
а как она любила!
Как любит до сих пор!

И даже ночью жгучей
она себе верна:
рукой отводит тучи
и светит как луна.

* * *

Листья на деревьях пожелтели,
собираются, видать, в последний путь.
Ну, а мы с тобой не постарели
разве что по мелочи, чуть-чуть.

* * *

Ветер воет словно зверь
во всю пасть,

бьётся в окна, бьётся в дверь,
прямо страсть.

Ну а тут над головой
грянул гром,
встрепенулся, как живой,
старый дом,

встрепенулся и поник...
Словно поп,
в тёмной комнате старик
крестит лоб.

А поможет тебе крест,
старый дед,
ведь в молитвах правды нет?
Он в ответ:

Не поможет, ну и пусть,
не беда.
Я-то смерти не боюсь,
я года

честно прожил на земле,
всё видал,
я не думал о рубле,
не украл.

Трижды ранен за войну,
я не трус
Я всю жизнь любил жену,
в том клянусь.

А что лоб крещу, так вот
виноват,
это, Бог к себе зовёт,
а я рад.

* * *

Умру я, ты же не жалея об этом,
о том, что минуло, не следует грустить.
Пусть умерла весна, глаза закрыло лето,
а ты живи, живому надо жить.

* * *

Не торопись вождём стать на века
и осчастливить человечество тем боле.
Счастливые тебе ж намнут бока,
несчастные останутся в неволе.

* * *

Во всю ночь до зари
не смолкали гомоны.
Думал, это упыри,
оказалось вороны.

Поглядел из окна
вороньё там мечется.
Была полная луна,
обернулась месяцем.

Покатился солнца луч
городами, весями.
Если не было бы туч,
мы бы жили весело.

* * *

Я вижу гор высоких груди
и люд, который здесь живёт.
Но представляю твои груди
и твой приветливый живот.

Слова людей гнусны и грубы,
деянья — ядовитый газ.
А я твои целую губы
и слёзы смахиваю с глаз.

Мне не легко заняться делом,
совсем не тот внутри настрой.
Спаси меня душой, а телом,
как скрипку, ласково настрой.

* * *

Холодный день и вечер тёмно-рыжий...
На всём лежит отчаянья печать.
Я знаю, что тебя я больше не увижу:
за глупость и порок – всяк должен отвечать.

* * *

Где-то в море-океане
среди всякой разной дряни
жил лохматый крокодил.
Он всегда людей лохматил.
Для чего? Я без понятий,
видно, просто так, дурил.

Как там всё происходило
я не знаю. С крокодилом
сам я лично не знаком.
Только слышал, что в округе
его недруги и други
обзывают чудачком.

Долго в море он чудачил,
куролесил и портачил,
баловался и дурил,
игнорировал законы.
А вчера, слышал, погоны
для чего-то нацепил.

Бойтесь, рыбы и лягушки,
он теперь играть в игрушки
не позволит никому,
он теперь большой начальник,
и хватальник и ругальник
и подобное тому.

Я не знаю, только звери
почему-то мне не верят,
говорят, что крокодил
даже если и лохматый
и чуть-чуть чудаковатый
никого не обдурил.

Крокодил обычно честен,
тем-то он и интересен,
слово держит, не соврёт,
если он кому-то скажет:
«Я тебя, мой друг, уважу»
и уважит, но сожрёт.

* * *

Скосив глаза, поправила чулок,
вот пропасть, всякий раз сползает,
когда она, как полевой цветок,
на публике внезапно расцветает.

Она бы показала весь свой лад,
но на беду чулок опять в гармошку,
и чтоб его переместить назад,
она должна открыть на людях ножку.

Ах, стыдно, ах, пардон, я ни при чём,
чулок бесстыжий не сидит, где надо.
При каждом шаге вниз сползает он
и открывает ножку грязным взглядам.

Чулки совсем, совсем не дураки,
но вот сказать, хоть что-то не умеют,
а то б сказали: «Скинь с себя чулки
и сделай это здесь да поскорее.

Мы не обидимся на то, помилуй Бог,
всё очевидно, просто объяснимо:
для этих вот красивых стройных ног
чулки не так уж и необходимы».

* * *

Убил охотник журавля
не для чего, а просто для...
Чтоб не летал, не пел, не жил,
чтоб над полями не кружил.

Нет, нет, охотник сыт и пьян,
имеет дом, жену, диван,

машину, дачу и гараж,
уже вполне приличный стаж,

построил всё, купил, достал...
И лишь журавль жить мешал.

* * *

Почему меня не спросишь,
что я делала вчера?
Почему меня не спросишь
где была я до утра?

Почему проходишь мимо,
и не смотришь мне вослед?
Почему проходишь мимо
будто вовсе меня нет?

Ты, наверное, не знаешь,
что в лесу цветут цветы.
Ты, наверное, не знаешь,
что букет сорвал не ты?

Да и я уже не знаю,
для чего мне тот букет,
да и я уже не знаю,
для чего мне белый свет.

Нынче ночью на поляну
я пойду топтать росу,
нынче ночью на поляну
я букет тот унесу.

Положу его тихонько
на измятую траву,
положу его тихонько
и всю ночку прореву.

* * *

Любите землю, господа,
всё понимая шире.
Ведь солнце, воздух и вода
не вечны в этом мире.

И будьте чуточку мудрей,
свой разрушая край,
вы прежде всех других людей
не попадёте в рай.

* * *

Расплела берёзка косы
и укрыла нас листвой.
Целовал меня без спросу
мой мальчишка дорогой.

Хорошо, не видит мама,
хорошо, не знает брат.
Ведь мальчишка мой упрямый
ну, ни в чём не виноват.

Так стояла б и стояла
целовалась до утра,
всё равно бы было мало.
Зря упрямилась вчера.

Анемоны

День искристый, день румяный,
пахнет солнцем от земли.
Рано утром на полянах
анемоны расцвели.

Не срывай цветочки всуе,
только, если есть нужда.
Анемон-трава врачует,
но не всех и не всегда.

Если сам ты лёг на ложе
и собрался в мир иной.
То, конечно, не поможет
никакой тебе настой.

Но когда же, стиснув зубы,
через стоны, через боль
не захочешь ты «дать дуба»,
вот тогда сорвать изволь.

Анемон-цветок чудесный
не откажет, как пить дать.
Одному ему известно,
как напасти отогнать.

Знает он, как от могилы
отвести больных людей
без попа и без кадила,
без ведуний и врачей.

Ты отвесь цветам поклоны,
до земли им поклонись,
не забудь, что анемоны
за тебя отдали жизнь.

* * *

Когда страдающее утро
Закрыло старый мой блокнот,
куда сходились велемудро
слова, как граждане на сход;

Когда оно, сердясь безмерно,
Меня толкало на кровать,
Надеясь бедное, наверно,
Со мною рядышком поспать;

Тогда и родилась поэма,
Вернее, первая строка,
И сон – извечная проблема –
Опять покинул старика.

И снова зароились рифмы,
Как пчёлы, потекли в блокнот,
И что ни строчка – море, нимфы,
Что ни строфа – водоворот.

Уже рука не держит ручку,
Уже глаза не видят свет...
В блокноте только закорючки,
А букв обычных наших нет.

О Боже, где моя поэма?
Обида горькая и страх.
Дурит беспутная богема,
Витает снова в облаках.

ПОЭМА ПРО ОВЕЦ

1

*Слегка похожий на барана,
всегда не чёсан и не брит,
известный вам А. В. Степанов
с карандашом в руке сидит.*

*Задумал он писать поэму
глав что-то около восьми,
но вот никак придумать тему,
не может, чёрт его возьми.*

2

*Известный вам А. В. Степанов
придумал тему, наконец.
Поскольку сам он из баранов,
поэма будет про овец.*

Глава первая

Три овечки вечерком
пили кофе с молочком.
Говорит одна: «С бараном,
я б объехала все страны,

иль спала бы день и ночь
и храпела б во всю мочь».

Говорит в ответ вторая:
«Я тебя не понимаю,
я бы вовсе не спала,
а всё ела б да пила».

Третья скромно прошептала:
«Я, подруги, для начала
родила б себе ягнят,
сорок или пятьдесят».

Лишь промолвила словечко,
как выходит на крылечко
их хозяин молодой
с распрекрасною женой.

Говорит: «Зарезать надо
этих двух, позорят стадо,
ну а третья пусть живёт,
обожаю я приплод».

Глава вторая

Чтобы в кровь овцы изъян
не сумел бы просочиться,
сверхпородистый баран
привезён из-за границы.

Он и важен, и силён,
и галантный, и умелый.

Улестил овечку он
да и сделал своё дело.

Глава третья

Над поляной солнце светит,
да толкутся комары.
У овцы родились дети,
стало больше детворы.

И теперь она в заботах,
целый рот у ней хлопот.
Говорил об этом кто-то:
«Кто рожает – тот живёт».

Сам хозяин её холит:
есть кошара, есть корма,
есть барашек, а тем боле,
все ей блага задарма.

Глава четвёртая

Снова солнце светит жарко,
да толкутся толкунцы.
Нынче замуж вышла ярка –
дочь известной нам овцы.

Глава пятая

Так без лишнего базара
размножается овца.
Дети, внуки без конца
добавляются в отару.

И хозяин поначалу
был тому безмерно рад.
Сердце радостно стучало,
когда он считал ягнят.

Но летят, как в пропасть, годы,
и хозяин как-то сник.
От жены он ждал приплода,
получил же только пшик.

Глава шестая

Как-то вечером за чаем
он сказал жене в сердцах:
«Я, жена, не замечаю,
чтоб была ты на сносях.

Ездишь в Адлеры и в Сочи,
любишь завтраки, обед,
а детей рожать не хочешь.
От тебя один лишь вред.

Села б, что ли, на диету,
упорядочила б жизнь.
У самой коль тям у нету,
у овечки поучись».

Глава седьмая

А жена в ответ: «Ты пьяный
или трезвый чушь молол?
У овцы кругом бараны,
у меня один козёл.

Дай своей овце козла,
пусть она родит козлёнка.
Не родит? И я ребёнка
потому не родила».

* * *

Кто сказал, что я в печали,
что меня съедает грусть?
Снова люди оболгали,
просто я не веселюсь...

* * *

Отойдите прочь, напасти,
пусть они не липнут к нам.
Захотите, своё счастье
разделю напополам.

* * *

Всё по правилам, как полагается,
мир стоит от начала творенья.
Если чудо когда-то случается,
значит, в правилах есть исключенья.

* * *

Пышногрудая, сладкая сдоба
королева страстей и любви,
ну зачем на всю жизнь и до гроба?
Ты хоть ночь до утра проживи.

* * *

*Навеяно строками из Антологии
пракритской лирики
Сатавахана «Саттасаи»*

1

Бедняк женой своей богат:
она и свет ему, и пища.
А без жены богач сто крат
беднее, чем бездомный нищий.

2

Мой милый - глупый и смешной -
пылает страстью и надеждой,
мечтает он побыть со мной...
А я давно уж без одежды.

* * *

У Ивана Иванова
скоро свадьба. Вот беда,
нет штанов у Вани новых,
только чуб и борода.

И у Шуры Ивановой,
его будущей жены,
тоже нет одежды новой,
и старей всего – штаны.

Но часы своё пробили,
вот и свадебный банкет.
Трубы радостно трубили,
веселил гостей кларнет.

Гости выпили, поели,
все довольны, все хмельны,
молодых ведут к постели.
И на кой теперь штаны?

Квартет

Осёл, Козёл, Мартышка
и косолапый Мишка
попали на банкет,
чтоб там сыграть квартет.

Они уселись на эстраде,
достали скрипки, альт, баса,
и тут раздались голоса:
«Не надо Баха! Бога ради!»

«Зачем нам Бах. Давай фокстрот!»
«Зачем фокстрот? Шпарь буги-вуги!»
«Постойте, тише, братья, друзья,
пусть лучше нам осёл споёт!»

А ты давай, пляши, мартышка,
кричи, Козёл, и топай, Мишка!»
Со всех сторон несётся ор,
шум, крики, ругань, гам и спор.

Как ни старались музыканты,
а толку не было и нет.
Какой тут к дьяволу квартет,
когда глупцы и дилетанты,
напившись, пали на паркет.

ДЕЛО СКРИПАЛЯ

Либретто оперы

Часть первая

*Кабинет Путина. Он сидит в кресле,
напротив навытяжку стоят Шойгу,*

Патрушев и Кадыров.

П у т и н

Нынче дальняя дорога
обещает вам успех.
Скрипалей на свете много,
но один вреднее всех.

Ш о й г у, П а т р у ш е в, К а д ы р о в
(хором)

Ой-ля-ля, ой-ля-ля,
мы отравим Скрипаля.

П у т и н

Торопитесь и не дрейфьте,
Отравите и молчок.
У меня возьмите в сейфе
Яд смертельный «новичок».
Ой-ля-ля, ой-ля-ля,
Я припас для Скрипаля!

Часть вторая

Там же, те же

Ш о й г у, П а т р у ш е в, К а д ы р о в
(хором)

Всё мы делали как надо,
Посетили Альбион,

Не хватило только яда
Или очень слабый он.

Ой-ля-ля, ой-ля-ля,
Упустили Скрипаля.

П у т и н
Едьте снова, а иначе
всех оставлю без зарплат.

Ш о й г у
У меня стоит на даче
ядогонный аппарат.

Ой-ля-ля первачок
крепче, чем ваш «новичок».

СКАЗКИ И СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сказка о розах

В цветочном городе Горшкове
на подоконнике Земли
в семействе Розовых весною
четыре розы расцвели.

Мамаша Галицкая Роза,
и папа Галицкий Розан
их защищали от морозов
и взглядов алчных горожан.

Купали их в лучах восхода,
поили свежеею водой.
И проявлялась их природа
и нрав – у каждой розы свой.

Одна была краснее крови,
ну, точно аленький цветок.
Таких не только что в Горшкове,
но в мире не встречал никто.

Она была зари краснее,
багряней, чем вишнёвый сок.

Недаром, кто встречался с нею
в любви сгорал, как мотылёк.

Вторую розочку Беляной
назвали матушка с отцом.
Бог без малейшего изъяна
дал ей и душу и лицо.

Она любила оставаться
на подоконнике одна,
и безоглядно любоваться
простором снежным из окна.

У жёлтой розы золотыми
наряды были и душа.
Она без кремов и без грима
была, как солнце, хороша.

И как от солнца свет струился
от золотистого цветка.
И на него чуть не молился
всяк – от мальчика до старика.

Четвёртая – чернее ночи,
одета в траурный наряд,
лицо её и руки точно
такие, как у негритят.

Отец и мать жалели дочку.
(Ну, как не пожалеешь тут!)
Им говорили, что цветочки
такие долго не цветут.

И мама плакала вначале,
и хмурился порой отец,
но время шло, и замолчали
все, кто злословил, наконец.

А тут на радость или горе
мчат женихи со всех сторон.
Беяна замуж вышла вскоре
за розой пахнущий пион.

Нашёлся и для жёлтой тоже
такой же жёлтый молодец.
Сказал: «Я вас люблю, похоже,
счастливым будет наш венец».

Не засиделась в старых девах
и краснощёкая сестра,
провозгласили королевой
её в Бурляндии вчера.

И только бедную Чернушку
все обходили стороной,

не пожелал никто дурнушку
назвать законною женой.

Она вначале горевала
и слёзы горькие лила,
но после плакать перестала
и стала жить, как и жила.

Однажды раннею весною
зашёл к ним гость – мужик простой,
позвал её: «Пойдём со мною,
стань, если хочешь, мне женой».

«Я не пущу», – сказала мама.
«Через мой труп», – вскричал отец.
Но розочка была упряма,
пошла без спроса под венец.

Прошло лет пять, а может, боле.
Розан сказал жене своей:
«Махнём, давай-ка в гости что ли,
проведать надо дочерей».

Проехали они полсвета.
Беяна хорошо жила,
была обута и одета,
но только не совсем бела.

Чуть-чуть увяли лепесточки,
не завязались семена,
и нет ни сына и ни дочери
и день, и ночь она одна.

Ещё проехали полсвета.
У красной и у жёлтой роз,
увы, красы девичьей нету,
как будто съел её мороз.

И нет ни радости, ни горя,
тоска, полнейшее зеро
не помогли поездки к морю
ни золото, ни серебро,

ни драгоценные наряды
от самых модных кутюрье.
«К Чернушке ехать нам не надо, –
сказал Розан, – поди в рваньё

сидит одна, в тоске и горе,
что может дать простой мужик?
Нет, я довольно опозорен,
храни, Господь, от забулдыг».

Вздохнула мать: «Ты прав три раза,
всего скорей, нас там не ждут,

но всё ж поедem, хоть вполглаза
посмотрим, как они живут».

По морю плыли две недели
сменили поезд, самолёт,
пешком шли день и еле-еле
нашли село, где дочь живёт.

Идут, глядят, даются диву:
вокруг поля душистых роз –
они нежны и все красивы
и души трогают до слёз.

Вздохнул Розан: «Я все бы муки
достойно смог бы перенести,
когда б то были наши внуки...
Увы, мне крест до смерти несть!».

А Роза вытерла платочком
свои глаза. Тут муж кричит:
«Смотри-ка, мать, да это ж дочка
вот там, навстречу к нам спешит».

Ведёт родителей Чернушка
дорожкой узенькой в свой дом.
Спросил отец: «Скажи-ка, душка,
что за цветы растут кругом,

Кто создал этакий розарий?
Он свеж и чист, а как хорош!
В садах обоих полушарий
такой, уверен, не найдёшь».

«За эти розы я в ответе, –
сказала дочь, – и мой супруг.
А розы эти – наши дети.
кто внучка вам, а кто и внук».

«Ах-ах!», – обрадовалась Роза,
«Вот молодцы!» – воскликнул дед.
И были радостные слёзы,
и был торжественный банкет.

Когда пришла пора прощаться,
зять предложил им у ворот:
«Вам лучше бы у нас остаться,
ведь дома вас никто не ждёт.

Живите здесь в добре и холе».
И розы согласились с ним:
«Уж лучше с внуками на поле,
чем дома прозябать одним».

Дед Мороз

Давно это было, давно.
Тогда ещё не было в мире
ни теле, ни книг, ни кино,
ни газа, ни света в квартире.

Стирали бельё на руках,
продукты хранили в подвалах.
Народ тогда жил в деревнях, —
на всех городов не хватало.

Однажды в селенье одном
родился красивый мальчишка,
он маленьким был, словно гном,
но шустрым, как серая мышка.

Назвали мальчишку Мороз,
родители звали Морозко,
он рос потихоньку и рос,
как русская наша берёзка.

Любил с детворой поиграть
в снежки и, конечно, в войнушку,
подарки любил получать,
дарить их друзьям и подружкам.

Когда же Морозко подрос,
спросил он у матери: «Мама,
ответь на мой детский вопрос,
но только, чтоб честно и прямо.

Куда подевался отец
погиб или скрылся куда-то?»
«Ну что ж, ты уже не юнец,
отец твой был смелым солдатом.

Заслоны он ставил врагу
и гнал распроклятых в три в шеи». —
«Вот гонит мамаша «пургу», —
шептались соседи, — умеет

сморозить, да так, что порой
и вправду согласишься хитрюге.
С тех пор её стали «Пургой»
звать между собою подруги.

И всё же Морозко подрос,
красив, как картинка в журнале.
Для матери был он Мороз
чужие Иванычем звали.

Жениться настала пора,
невесту белей, чем сметана,

с соседнего взял он двора,
и звали невесту Снежаной.

Любили друг друга они
и, видимо, счастливы были.
И тёмные ночи, и дни
бок о бок они проводили.

От праведной жизни сынок,
как и пожелали, родился,
назвали его Холодок,
Иваныч сыночком гордился.

Потом были Иней и Град,
Буран, Гололёд и Снежинка,
Сосулька, Снежок, Снегопад,
Зима, Гололедица, Льдинка.

Всех вырастил Старый Мороз
был каждый ребёнок желанным.
Но жизнь не бывает без гроз,
не стало однажды Снежаны.

Судьба бобыля нелегка,
но век предаваться кручине
нельзя. И женить Холодка
решил он на доброй дивчине.

Мила и красива она
и ходит, как надо, за мужем.
Но чаще, сидит у окна
о чём-то неведомом тужит.

Никто и подумать не мог,
что это нечистое дело.
Свела её смерть за порог.
Родить она, правда, успела.

Снегурка у деда росла
в любви, и заботе, и неге,
как снег она первый бела.
Да что говорить тут о снеге!

Была весела и умна
и деда Мороза любила,
ему помогала она,
подарки детишкам дарила.

С тех пор они вместе всегда.
Я думаю, что и сегодня
они к нам придут сюда
на праздник на наш новогодний.

Как лиса летать училась (Народная сказка)

И ни мяса, и ни хлеба
третий день не ест Лиса.
«Эх, слетать бы мне на небо,
посмотреть на небеса.

Оглядела б всю округу:
лес, болото и поля.
Навещу, наверно, друга,
попрошу я Журавля:

пусть поможет иль научит
так же вот летать, как он.
Я хочу понюхать тучи
и погладить небосклон».

Согласился друг: «Ну что же,
надо людям помогать,
прокачу тебя, а может,
и сама начнёшь летать.

Полетел журавль-птица,
а когда забрался ввысь,
скинул со спины лисицу,
мол, лети да не бойсь.

Повезло лисе, упала
на огромный свежий стог,
ничего не поломала,
пожалел, наверно, Бог.

А лиса тому и рада:
«Видишь, дело как пошло.
Я уже лечу, как надо,
но сажусь, жаль, тяжело».

«Поучи меня, дружок,
подними под небеса,
приземлюсь ещё разочек», –
к Журавлю идёт Лиса.

«Полетим, коли охота,
подниму я к небу враз».
Скинул он лису. В болото
угодила в этот раз.

Еле выбралась оттуда,
тяжко, ноги не идут:
«А летать я всё же буду,
лишь достану парашют».

Волк, коза и семеро козлят

В лесу, в своём домишке
коза жила-была,
с ней жили ребятишки
все семь малым-мала.

Лишь солнышко всходило
и освещало дом,
хозяйка уходила
на луг за молоком.

Детишкам говорила:
«Закройте дверь за мной
и что бы ни случилось
из дома ни ногой.

Не подходите к двери,
не трогайте крючок,
по лесу бродят звери,
и с ними страшный волк.

Нам надо быть умнее
и подружнее жить,
мы, думаю, сумеем
элодея обхитрить.

Когда наемся травки,
под дверью постою
и голосочком сладким
вам песенку спою.

А петь лишь перестану,
откроете мне дверь.
Ни силой, ни обманом
нас не достанет зверь».

В то время волк голодный
бредёт в лесу, как тать,
он съест кого угодно,
хоть что может сожрать.

У волка в пасти зубы
в словах не передашь:
толстые, как трубы,
длиною с карандаш.

К тому же ни кусочка
с утра не брал он в рот.
Болят кишки и почки,
урчат, как старый кот.

Вдруг видит. на опушке
траву жуёт коза.

У волка на макушку
переползли глаза.

«Я съем тебя, подруга», –
но увидав рога,
сбежал он от испуга,
мол, шкура дорога,

мол, подожду немножко,
узнаю, что по чём...
Идёт коза дорожкой
к козлятам с молоком.

А волк за нею следом
ползёт, как ползунок,
надеется к обеду
добыть себе кусок.

Пришла домой козлушка
запела у дверей,
а волк её подслушал,
решил стать похитрей.

Наутро он дождался,
когда коза ушла,
и в двери постучался,
но глупость подвела.

Он пел, да всё без толку,
козлята слышат, волк:
«У нашей мамы тонкий
красивый голосок.

Ты не поёшь, а воешь,
зубами щёлк да щёлк.
Мы двери не откроем,
иди отсюда, волк».

Не удалась затея
злодею-хитрецу:
«Сожрать я вас успею,
схожу-ка к кузнецу.

Скажу ему, что голос
мне нужен толщиной,
как человечесий волос
и ни какой другой».

Кузнец – мужик толковый
и дело своё знал,
он волку голос новый
писклявый отковал.

Опять подкрался к двери
голодный страшный волк.

Ну что ж давай проверим
на деле голосок.

И песня получилась —
всё чином да ладком
и дверца приоткрылась,
и волк ворвался в дом.

Козлят он как галушки,
не прожевав, глотал,
раздулся как лягушка
и на полу упал.

Но тут коза вернулась,
увидела врага,
ногою в нос лягнула,
вонзила в бок рога.

Козлята прыг из брюха,
им горе не беда.
И на волков проруха
бывает иногда.

Небо упало

Пришли куры на гумно.
Те, кто поумнее,

всё клюют, клюют зерно,
не жалеют шеи.

А одна из их подруг –
ни ума, ни тела –
скачет, бегаёт вокруг
целый день без дела.

И добегалась. Упал
с воза сноп соломы
и лентяйку напугал,
как ударом грома.

«Куд-кудах да куд-кудах», –
раскричалась птица,
испугалась, во весь мах
по деревне мчится.

Повстречал её петух:
«Баба, что случилось?»
«Мчи быстрее, во весь дух,
небо завалилось!»

Испугался петушок,
и вдвоём помчались.
Прыг да скок да прыг да скок –
так они спасались.

Заяц прятался в кустах,
смотрит, что такое?
Мчатся как на парусах
прямо к лесу двое.

«Эй, постойте, вы куда?»
Те остановились:
«Убегай скорей, беда!
Небо вниз свалилось!»

Заяц тоже закричал,
страх взял за живое.
Стрекача он тут же дал.
Так их стало трое.

По долам и по лесам
мчат со страшной прытью.
Повстречала их лиса:
«Вы куда бежите?»

«Ой, не стой, не стой, лиса,
рядом уже горе,
завалились небеса,
всех придавят вскоре.

И лиса раскрыла рот,
затряслась от страха,

сквозь кусты, как трактор, прёт,
порвала рубаху.

Увидал их серый волк:
«Что тут за погоня.
Не возьму никак я в толк,
вроде вы не кони?»

«Это ужас! Прямо сейчас, —
закричали звери, —
небо рухнуло на нас,
можешь нам поверить.

Хватит прятаться в кустах
и стоять на месте,
всё спасение в ногах,
побежали вместе».

Так и мчались с ветерком
прямо всё и прямо,
пока ночью впятером
не упали в яму.

Огляделись: вот те на,
тесно тут и сыро,
темнота и тишина,
как в плохой квартире.

Протекла, как речка, ночь.
Волк сказал лисице:
«Закусить бы я не прочь,
чем бы поживиться?»

А лиса ему в ответ:
«Услужить я рада.
Чтобы нам найти обед,
посчитаться надо.

Я лиса – это «один»,
волк второй, а третий –
серый заяц, а за ним
петушок наш Петя.

А вот курица не в счёт,
от неё все беды.
Я, считаю, подойдёт
нам она к обеду».

Съели курицу, за ней
петуха с костями.
Стало малость веселей
и просторней в яме.

Облизались волк с лисой:
«Хорошо да мало.

Твоя очередь, косой,
хошь, не хошь настала».

Чует рыжая, черёд
лисий наступает,
потрошки она не жрёт,
в землю зарывает.

День прошёл, второй идёт,
волк стучит зубами.
А лиса сидит, жуёт
мясо с потрошками.

Волк увидел: «Эй, кума,
жрать хочу. Не дело
голодать». «Да я сама
кушать захотела.

Прокусила вот живот,
прям через сорочку.
Так что я сижу и вот
ем свои кишочки».

Не увидел волк подвох,
разорвал взял брюхо.
Тут же в яме и подох,
как зимою муха.

И теперь лиса одна.
Только стало хуже.
Не смогла никак она
выбраться наружу.

В сказке — место чудесам,
в жизни — чаще драме.
Хитромудрая лиса
тоже сдохла в яме.

Как рассорились друзья

«Рассказать вам сказку что ли?»
«Расскажи, дедуль. Ура!
А не то весь день мы в школе:
то учёба, то игра.

Папа вечно на работе,
и не знает сказок мать».
«Ох, и бедно вы живёте,
надо, значит, помогать.

Ну так слушайте. Когда-то,
жаль, забыл в каком году
жили звери и ребята
в мире, дружбе и ладу.

Заходили к ним соседи
просто так на огонёк.
Чай любили пить медведи,
волки пить томатный сок.

И лиса была желанна
будь то летом иль зимой,
угощалась кашей манной
и брусничною водой.

Поиграть любили мишки,
кто в лапту, а кто в снежки,
веселились, как мальчишки,
хоть и были мужики.

На коньках катались волки,
вместе с ними ребетня,
и ни ссор, ни кривотолков
не слышать в течение дня.

А лисица – мастерица
вышивает, вяжет, шьёт.
А захочет, веселится,
песни добрые поёт.

Приходили лоси, козы,
зайцы целою гурьбой,

переждать зимой морозы,
поиграть, если весной.

Проходили год за годом,
жизнь спокойная текла,
и ни звери, ни народы
бед не ведали и зла.

Только зло ходило рядом,
жаль, никто не замечал.
Как-то дождь, пошёл и градом
всю деревню похлестал.

Бабы старые кричали,
горевала молодёжь —
всё, что сеяли, сажали:
всё погибло, не вернёшь.

А зима не за горами,
вот она, иди встречай,
с голодухи штабелями
хоть ложись и помирай.

Только звери не схотели
умирать из-за людей,
волки зайцев всех поели,
лисы слопали мышей.

Мужики отлили пули
кто ружьё взял, кто обрез,
по разочку лишь пальнули
без зверей остался лес.

А потом настало лето
вызрел славный урожай.
Есть печенье, есть конфеты,
есть душистый вкусный чай.

Уродилась кукуруза
для людей и для зверей.
Ешь, пожалуйста, от пуза...
Только нет уже гостей.

И боимся мы друг друга,
волки нас, а мы волков.
Потерять не трудно друга,
обрести же нелегко».

Дед умолк. Притихли дети.
Правда это или ложь?
Много есть чудес на свете
сразу и не разберёшь

Тут подумать крепко надо,
отчего пошла вражда:

то ль от бога, то ль от града,
виновата ли еда.

Или же могло случиться
как-то всё само собой?
Надо крепко потрудиться,
помириться, подружиться
и зажить одной семьёй.

Победа

Дед, сыграй мне на гитаре.
– Не могу, – старик сказал, –
Вот когда бы был я парень,
я б тогда не оплошал.

– Ну, тогда хотя бы сказку
расскажи, ты столько жил...
– Про коляску, про колбаску?
Нет, и сказки все забыл.

– Ну, а что ты помнишь, деда?
– Помню разве что войну...
– Расскажи, дед, про победу.
– Не уснёшь ты? – Не усну...

– Было то давно, однако.
Я совсем был молодой.
Вот тогда фашист-собака
и полез на нас войной.

Мы-то думали вначале,
что война – это игра,
посражались, постреляли
немца взяли на «Ура!».

Ну, а там через неделю,
мол, воротимся домой.
Ордена, чтобы звенели,
что ни парень – то герой.

Только вышло по-другому,
всё не так, всё невпопад.
Не дошла, увы, до дома
половина всех солдат.

Было нас четыре брата,
я один пришёл назад.
В том народ не виноватый,
Гитлер – сволочь, виноват.

Нелегко было вначале,
даже страшно, что уж врать,

били нас, а мы стонали,
но учились воевать.

С кровью, с болью шла учёба
под разрывы и стрельбу,
не забыть её до гроба,
не забудешь и в гробу.

Ты вот просишь про победу,
что я помню, рассказать.
Помню горе, помню беды
и приказ: не отступать.

Что сказать, приказ приказам,
только в бой идти, вперёд.
не беда, коль сгинет сразу
не один солдат, а взвод.

Так и шли вперёд, теряли
сотни, тысячи солдат,
мы стреляли, нас стреляли,
не сдавался супостат.

Я, считай, четыре года
шёл в обиде и во зле.
Сколько русского народа
схоронил в чужой земле.

И сейчас глаза прикрою,
но не спится, хоть убей,
снова вижу, землю рою
хороню своих друзей.

Снова вижу я комбата,
как под пулями один
встал он в рост: «А ну, ребята,
поднимайтесь на Берлин!»

Не увидел он Берлина,
завернул, наверно, в рай.
Стоит доброго помина
каждый воин наш, ты знай.

Жалко мне его, как брата,
как отца и даже мать.
Если кто не виноватый,
разве должен погибать?

Нет конечно, человеку
Богом дан короткий век.
В счастье жить от века к веку
должен каждый человек.

Ну а если, что случится,
мать забудь, забудь отца,
за страну родную биться
надо, внук мой, до конца.

Светофор

Крикнул папа громко: «Стой! –
взял за руку сына, –
красный свет перед тобой,
пропусти машины.

А зажгут зелёный свет,
тут другое дело,
для машин дороги нет,
ты же топай смело».

Стрекоза

«Улетай скорее, стрекоза, –
шепчет её девчонка-егоза, –
видишь, надвигается гроза».

Отвечает стрекоза ей: «Ой,
мне давно уже пора домой.
Полетели, девочка, со мной».

«Я всегда хотела полетать,
звёздочки на небе посчитать,
но боюсь, отец будет ругать».

«Глупая, не думай ни о чём.
Хорошо в полёте быть вдвоём,
там и поболтаем обо всём».

Отвечает девочка ей: «Ах,
полетать могу я лишь в мечтах,
но и те запутались в сетях».

Свинья

Ох, и плохо нашей хрюшке
на сырой земле лежать.
Ей бы мягкую подушку,
одеяло и кровать.

Ей бы белую простынку
постелить бы на перинку.
Вот была бы благодать,
можно жить, не умирать.

Но свинья тому не рада:
для того, чтоб сладко жить,
рыло с мылом вымыть надо,
ноги в тазике помыть.

И не хрюкать чтоб в кровати
да не чавкать за столом,
и чтоб землю не лопатить
на прогулке пяточком.

Крутит хрюшка головой:
«Ой, не надо, ой-ой-ой,

лучше я, как грека, в реку
иль помру в грязи родной,

не хочу быть человеком,
лучше буду я свиньёй.

* * *

Расстарался Мишка,
выстроил домишко,
славный домик вышел:
под железом крыша,

окна широкие,
потолки высокие.
Сел он размечтался.
Нет, не зря старался.

Домик – это не берлога
В нём просторно, комнат много.
Одна комната мне,
другая – жене,
третья – детишкам.
Молодец ты, Мишка!

* * *

Мы играем в салки,
салки-догонялки.

Я за Мишкою бегу,
догоню, если смогу.
Если не смогу догнать,
значит, мне водить опять.

Лев

Для такой большой причёски
недостаточно расчёски.
Посоветуем мы маме:
«Расчеши сынка граблями».

Носорог

Ты, пожалуйста, не трогай
нос у папы носорога
и за хвост его не трогай,
потому что папа строгий.

Жираф

Почему не носит шарф
в жаркой Африке жираф?
Знайτε взрослые и дети,
в этом нет его вины,
просто нет шарфов на свете
вот такой величины.

Слон

Чтоб слону закапать в нос
капли от простуды,
надо капель целый воз
и пипеток груды.

Страус

Страус – это тоже птица,
не летает, а бежит.
Можешь даже прокатиться
ты верхом на этой птице,
если птица разрешит.

Трясогузка

*«Ласточка приносит весну,
трясогузка – лето».*
Народная примета

Потрясла сегодня гузкой
под окошком трясогузка,
пропищала детворе:
«Лето, лето на дворе!»

НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ СТИХИ

* * *

Я скажу вам строго между нами:
где-то у Японских островов
грозное явление цунами
топит беззащитных рыбаков.

Думаете это проявление
возникает просто так себе?
Сразу же развейте заблуждение.
Есть на этот счёт другое мнение
относительно влияния КГБ.

Как-то мне с секретного завода
говорил небритый капитан,
дескать, проявления погоды
делают не Бог и не природа,
а гебешник пьяный за стакан.

Если же, к примеру, он с похмелья,
то колышет Тихий океан.
Ну, а то бывает – от безделья
или шутки ради для веселья
вызовет метель иль ураган.

Так что, ежели кому-то надо
например, соседу иль тебе
заказать цунами иль торнадо,
ураган, потоп иль снегопады,
смело обращайтесь в КГБ.

* * *

Ты помнишь, Россия, погони и драки,
весёлое пенье клинков,
хмельной аромат конармейской атаки
и холод гранёных штыков.

Нам были, как братья, широкие степи,
леса и овраги – враги.
Мы лихо пускали по ветру, как пепел,
горячие вражьи мозги.

Нас кони носили, нас воля кормила,
нам грезился город Ростов.
Под красными звёздами в братских
могилах
немало осталось бойцов.

Мы слёзы не лили над каждой потерей,
мы мстили стократно врагу:
стреляли, рубили, душили, как зверя,
и не оставались в долгу.

Но пули остыли, и выцвели страсти,
утихла кровавая рать,
вернулись домой, чтоб добытое счастье
своим домочадцам отдать.

Нас встретили дома слезой и молитвой,
но богу нет места в груди.
Быть может, поэтому страшные битвы
нас ждали ещё впереди.

Чем дольше сражались, тем больше
страдали,
тем хватка страшней у оков,
тем больше товарищей верных теряли,
тем больше рождалось врагов.

Ты нас не забудь в одночасье, Россия,
мы жили твой образ любя,
себя не жалели, народы чужие
губили во имя тебя.

Хоть путь твой тернист, нелогичен и
страшен,
мы всё же протопали им,
ты наше создание, ты детище наше,
ты павший с небес херувим.

Сахаров

Когда Вселенская София,
о человечестве скорбя,
сошла, несчастная Россия,
святым дыханьем на тебя,

тогда под топот ног и крики
толпа избранных дураков
ему метала в сердце пики
язвительных и лживых слов;

тогда воинственное стадо
решало за чужой спиной,
что надо нам, а что не надо,
в стране разбитой и пустой.

А он учил не обижаться
и крест нести, как благодать,
идти и падать, чтоб подняться,
и, умерев, не умирать.

Пожар

Сказали б Аристотель и Платон:
«Огонь – четвёртая стихия».
«Опять пожар, – ругнулся друг Антон, –
дела плохие».

«Вот высота», – сказал бы Галилей.
Антон же, к счастью, этого не слышал.
Стоит коробка в девять этажей,
пожар под крышей.

Сейчас не важно, кто там виноват,
что вырвался огонь на волю.
Дрожит от счастья новый Герострат,
Антон – от боли.

И рассуждать о существовании стихий,
о пятом измерении и морали –
не время, ведь под крышей петухи
не отплясали.

Огонь, как солонце, а Антон – Икар,
по лестнице спешит ему навстречу.
Шипя от злобы, воду пьёт пожар
и гасит свечи.

Сказали бы Геракл и Ясон:
«Нам не под силу подвиги такие».
«Да ну, пустяк, – смеётся друг Антон, –
нам не впервые».

* * *

Приболел я в воскресенье,
поднялось, как хрен, давление.

Лёг, крутился на бок с боку,
никакого нету прока.

Тут какой-то паразит
дал мне гипотиазид,
и сказал зараза:
«Пей его три раза».

Я – мужик бывалый,
понял – это мало.
Выпил десять сгоряча,
тут и хлынула моча,

и не так, а во всю мочь.
Просидел в сортире ночь,
до утра мочился.
Вот так подлечился.

* * *

Пересохнуть может Волга,
испарится коль вода,
а вот дурни, те надолго,
может, даже навсегда.

Пишут глупые законы,
матереют, как дубы,
дружно молятся мамонам,
разбивая сдуру лбы.

Всем знакомая картина.
Рассмеёмся, ну их в зад.
Пусть себе ломают спины,
пусть у них чубы трещат.

А подумать всё же надо,
сжать покрепче кулаки,
и направить к Цареграду
умных юношей полки.

Космос

Космос неизученный, космос
 неразгаданный,
смысл существования ищем не в тебе.
Кто-то восхищается новыми нарядами,
кто-то видит истину вечную в борьбе.

Кто-то надрывается на полях с лопатами,
ищет непотерянный божий дар в земле.
Люди бестолковые, люди виноватые,
радуются хлебу с солью на столе.

Думают, что помыслы наши и внимание
делают погоду, двигают прогресс...
Братья неучёные, все наши старания
поглощает будничность, словно путь
экспресс.

Поднимите головы: люди и светила
в хаосе вселенной связаны в одно.
Космос неразгаданный – и болезнь, и сила,
тайная гармония, истины зерно.

* * *

Не горюй, пусть у нас ты не встретила,
ни любви, ни волненья в груди,
у тебя ведь в запасе столетия
и любовь ещё вся впереди.

* * *

Путник милый, теплее пимы
обувай, чтоб шагать по сугробам,
ты сегодня пощады не жди от зимы,
она в сговоре с Господом Богом.

* * *

- Будешь есть?
- Конечно буду.
- Сам накроешь стол?
- Легко!
У меня всегда три блюда:
хлеб, варенье, молоко.

* * *

Не марш Мендельсона,
а горечи груз.

Скорей бы до Дона,
скорей бы на Русь.

Отдать бы поклоны
равнинам седым,
испить бы из Дона
целебной воды.

До этих просторов
три тысячи вёрст.
Мой путь через горы
под выстрелы гроз,

мой путь через степи
по топям болот,
где бешеный ветер
лишь песни поёт.

Однажды под вечер
настанет конец.
Ну, как ты приветишь
меня, Дон-отец?

Надеюсь, умоешь,
согреешь теплом,
с открытой душою
введёшь меня в дом.

* * *

Я в деревне в гостях, всё у нас, как и
встарь,
грязь на улицах, темень да лужи.
Лишь один вдалеке ещё светит фонарь,
но и тот не понять, кому служит.

Как и раньше друг к другу прижались
дома,
как табун лошадей на ночёвке.
Старики уже спят, не мешает им тьма,
не зовёт их с собой на вечёрки.

За деревней костёр, рядом три пацана
да шумливая стайка девчушек.
Но и тех уже дальняя ждёт сторона,
город ловит наивные души.

Там для них казино, там весёлые дни,
там хмельные разгульные ночи,
и повсюду огни, золотые огни
можешь жечь, сколько только захочешь.

Жаль, не знают они, сколько выпадет зла,
сколько ждёт их тревог и лишений,
ни за что бы тогда не бросали села,
не искали пустых развлечений.

Я бродил в темноте, почитай, до зари,
тошно так, что расплакаться впору.
Молодёжь уезжает, за ней фонари,
как на сахар, слетаются в город.

* * *

Однажды как-то спьяну,
поковыряв в носу,
животным обезьяна
похвасталась в лесу:

«Я – лучшая актриса
могу изобразить
хоть волка, а хоть крысу,
хоть льва передразнить.

А остальных – тем боле.
Меня ж вам не сыграть».

Тебя по доброй воле
стыд-срам изображать.

* * *

Юных не расстраивает смерть,
старикам второй раз не родиться...
Девочки мечтают повзрослеть,
бабушки хотят омолодиться.

* * *

На машине едет Маша,
словно барыня, одна.
Дома стынет её каша
из овсяного зерна.

Ну зачем нужна ей каша?
Маша едет в ресторан,
Ждёт её там друг Аркаша –
хулиганистый пацан.

В ресторане всё красиво,
чистота там и уют.
Здесь шампанское, не пиво,
вам холопы подают.

У Аркаши денег пачка,
он надёжный верный друг.
Он свою даёт ей тачку,
отдыхать зовёт на юг.

Вдруг совсем чужая «Лада»
сadanула её лбом.
Да, мечтать, конечно, надо
но, когда не за рулём.

В ресторане всё красиво,
а в больнице свой резон.

Хорошо, что все мы живы
и есть врач на каждый стон.

На коляске едет Маша,
путь – больничный коридор.
Не пришёл к ней друг Аркаша
почему-то до сих пор.

Ох, напрасно ждёшь ты друга,
он забыл тебя давно
и сейчас с твоей подругой
в ресторане пьёт вино.

* * *

Люблю берёзовые косы,
Костры ажурные рябин.
Но все ж цветенье абрикосов
милее всех других картин.

* * *

Бабушка тихонько говорила:
«Проходи, внучок, Христос воскрес».
Я считал наивно, что могилу
в этот миг себе копает бес.

Бабушка тайком меня крестила,
целовала свой нательный крест,

и я, чувствуя его живую силу,
отвечал: «Воистину воскрес».

* * *

Ты говорила, что мужчины грубы,
и что уходишь ты, и это се ля ви.
Но, Боже мой, как ты кусала губы,
которые тебе шептали о любви.

* * *

Я родился и вырос в Сибири,
умирать же поеду на юг.
Здесь в Сибири просторы пошире,
но зато там ни стужи, ни выюг.

* * *

Настанут дни, как Феникс-птица,
Россия снова возродится
и превратится в плоть зола.
Молитесь, люди, чтобы впредь
ей не пришлось в костре гореть
в огне большого зла.

* * *

Лиле

Ты в белом платье белее лилии,
белее лилии в пятнадцать раз.

Тебе бы, Лиля, цвести в Бразилии,
а не в России, а не у нас.

Ты можешь, Лиля, украсить тропики,
там нет нарядов таких крутых,
там люди ходят в трусах и топиках,
кто победнее, так и без них.

Тебя бы звали мы тропиканочкой,
тебя бы сняли там в сериал.
Ах, Лиля, Лилечка, из Серебряночки,
весь мир в лицо бы тебя узнал.

Тебя б растили там и лелеяли,
была б заботою окружена.
Там, говорят, быть легко лилеями,
такая, просто, у них страна.

А здесь лишь холод да ветер с тучами,
да путь в больницу или в тюрьму.
Здесь всё поганое, всё вонючее,
и платье белое здесь ни к чему.

* * *

Комар-сирена на окошке
завёл тревогу поутру.
И сразу бешеные кошки
в душе затеяли игру.

И сразу ожили тревоги,
тоска, сомнения, печаль.
Уйти бы вон, зовут дороги,
но уходить из дома жаль.

Уйти бы, распрощаться надо
с ребячьей розовой мечтой.
И не могу: моя Гренада,
как прежде, связана со мной.

И не могу лежать без дела,
вскочил, как будто на пожар.
О, Боже! Что в душе наделал
писклявый маленький комар!

* * *

Разжигайте жгучие, ярко-золотистые
нужные, ненужные страстные костры.
Пусть из них рождаются бабы голосистые,
а от баб побольше рыжей детворы.

Так называемым писателям

Не сберечь мне головы,
из-за вас в могилу лягу.
Не могу смотреть, как вы
переводите бумагу.

* * *

Поздней ночью Митя-вор
проводил свою подружку.
Вдруг огромный метеор
саданул его в макушку.

Митя пал, облился кровью.
Зарыдала моя лира:
«Зря связался ты с любовью,
лучше грабил бы квартиры».

* * *

Живу на свете я немало лет,
но вот жениться мне не пофартило.
Девчонок много ходит по земле,
единственную выбрать я не в силах.

И хохочете вы звонко,
и поёте от души,
Волгодонские девчонки
до чего ж вы хороши.

Знаю точно, где-то есть одна,
что меня полюбит без оглядки.
Расцветёт подснежником весна,
тёплый день припустится впрыскаду.

И хохочете вы звонко,
и поёте от души,
Волгодонские девчонки
до чего ж вы хороши.

Каждый день смотрю по сторонам,
отыскать свою любовь мечтаю
В Волгодонске очень много дам,
только я опять один гуляю.

И хохочете вы звонко,
и поёте от души,
Волгодонские девчонки
до чего ж вы хороши.

Петербург

Основа жизни – полноценный круг.
Однажды, выгнувшись ползучим гадом,
стал Петербург с испугу Петроградом,
а с дуру Ленинградом вдруг.
Но видит Бог, всё кончилось, как надо –
он снова носит имя Петербург.

Спасенье

Кричу беснуясь: «Пусть всё изыдет!»
Друзья уходят, приходят злыдни.
И никакого нет с ними сала,

живут во здравье исчадья ада.
Живут, жиреют, плодятся споро...
Глядят святые с икон с укором,
глядят во след мне суровым взглядом,
как будто в спину удар прикладом,
как будто выстрел во тьме в затылок.
Я опускаюсь на дно могилы.
Но в чёрный бархат свистящей ночи
никто не плачет, а лишь хохочут.
И ветер судьбы, как листья гонит
шуршащим вихрем по непогоде.
И тем, кто весел, швыряет в лица:
уж веселиться, так веселиться!
Да, что ж со мною, святые люди,
за что такое не правосудье?!
Я понимаю, что где-то рядом
со мною ходят исчадья ада.
За ними следом – густым туманом
грехи неверья, грехи обмана.
Они, как жабы ползут на сушу
и прямо в душу, и сразу в душу.
Так помогите же мне, спасите,
ведь есть же кто-то у нас спаситель.
Молюсь усердно: «Приди, прииди!»
Друзья приходят, уходят злыдни.

* * *

Я беден, а вернее, нищ,
я знаю, что меня, быть может,
какой-нибудь богатый хлыщ
за бедность людно костерёжит.

Я за него безмерно рад,
он больше ни на что не годен.
Ведь он в цепях, хоть и богат,
я беден, но зато свободен,

* * *

По дороге все грязь да ухабы,
но для нас-то они не беда.
С нами вместе шагают бабы,
работающие, как всегда.

Что им слякоть мороз и стужа —
просто сущие пустяки,
кроме нас им никто не нужен,
верьте на слово, мужики.

* * *

Все погибает: дух и плоть,
и ты от кахексии
помрёшь, коль только даст Господь,
«Единая Россия».

Голубая мечта
Я храню и лелею,
словно вишню в цвету,
вековую идею –
голубую мечту.

Развевает повсюду
ветер сладкий дурман.
Так весною простуду
рассевает туман.

И мечта, словно утро,
как заморский цветок,
рассыпается пудрой
лишь дохнет холодок.

Я гоняюсь по свету,
чтоб её обрести,
только то, чего нету,
невозможно найти.

* * *

Казалось бы, ушла беда,
исчезли прежние тревоги...
Чужая воля, как вода,
плеснулась как-то вновь под ноги.

Куда ни кинь – глаза в разбег:
худые судьбы, злые роки,
и человеку человек
опять отсчитывает сроки.

Кругом вода. Куда же плыть?
Волна бьёт в берег головою.
Как трудно беспристрастным быть
вблизи жестокого прибоя.

Толпа бросается за борт,
в безумном страхе причитая,
и млеет в сладострастье чёрт,
несчастных грешников считая.

Я знаю, надобно терпеть,
крепиться, жить, хоть через «надо».
ведь где-то есть земная твердь
с покоем, сладостью, усладой.

Там солнце, там цветут сады,
ласкают и лелеют боги...
Но нет отчизны без беды,
нет человека без тревоги.

* * *

*Если вы оплатите счёт за
электроэнергию до нового года и
напишете стихотворение, то в
подарок можете получить
планшет.*

(Из письма энергетической кампании)

Как я рад, о, как я рад,
и жена, конечно, рада:
сэкономим киловатт —
будет нам за то награда.

Может быть, дадут планшет
иль другой подарок будет.
Бабка просит: «Ну-ка, дед,
напиши, раз надо, людям.

Напиши, что белый свет
вряд ли смог бы жить без света.
Света нет и счастья нет,
а, вернее, жизни нету.

Отпиши, что в Новый год
обесточим мы квартиру.
Пусть узнает весь народ:
мы с тобою не транжиры.

Посидим и в темноте,
вспомним молодость, детишек.

Мы отправим бедноте
сэкономленный излишек.

Новогодний киловатт
станет радостью кому-то,
ведь не каждый виноват,
что он нищий почему-то».

«Хватит, хватит, – крикнул я, –
понесло тебя куда-то.
Мы же платим, ты и я,
хоть мы тоже не богаты».

Бабка в голос: «Вот балда,
позабыла, тям у нету».
Я ей: «Брось ты, не беда,
на шута нам их планшеты».

* * *

Как превосходно умереть во сне,
чтоб не тревожить ни друзей, ни близких,
не надоесть ни детям, ни жене,
уйти тихонько, вроде, по-английски.

И лучше умирать в чужом краю
без пищи, без тепла и без приюта,

чтобы душа рвалась пожить в раю,
где много света, доброты, уюта.

И хорошо, чтоб предали мой прах
земле чужие люди, а не братья.
Я лучше подожду их в небесах
и только там приму в свои объятия.

А можно было б и не умирать,
когда б на то нашлись свои причины.
О, люди, помогите их сыскать
ведь есть на свете средство от кручины.

* * *

Без тебя, моя родная,
я сто вёдер слёз пролил.
Без тебя я умираю,
даже воздух мне постыл

Возвращайся дорогая,
не случилось чтоб беды,
я, ей-богу, пропадаю
без еды и без воды.

Пейте, люди...

Китаец;

Пейте, люди, только чай,
попадёте тогда в рай.

Араб:

А мы пьём обычно кофе,
и дела у нас не плохи.

Белорус:

А мы любим молоко,
потому нам жить легко.

Армянин:

Все армяне пьют вино,
на здоровье нам оно.

Немец:

Ну, а немцы любят пиво,
потому ещё мы живы.

Грузин:

Все грузины просто мачо
потому, что любят чачу.

Киргиз:

Всех умнее я – киргиз,
умным делает кумыс.

Русский:

А мы пьём и чай, и кофе,
простоквашу любим трохи,
пьём кумыс мы и вино –
нам по сути всё равно.

* * *

Я не открыл секретов –
какой уж тут секрет.

Я не люблю поэтов
за то... что сам поэт.

* * *

Он чувствительный и сексуальный,
а в остальном вполне нормальный.

* * *

Ну что мы всё плетёмся в арьергарде,
когда-то надо выходить вперёд.
Жизнь – не игра от скуки на бильярде,
но и не повод огорчать народ.

Да видит Бог, что есть ещё гусары,
а с нами сабли, Родина и честь.
Кому звезда, гусарам же Стожары
несут удачу и благую весть.

Друзья мои, мы что-то заскучали,
не веселят ни песня, ни вино.
Давно, наверно, сабли не плясали,
дадим им волю под Бородино.

Да видит Бог, что есть ещё гусары,
а с нами сабли, Родина и честь.
Горят над нами древние Стожары
и в этом что-то радостное есть.

Как хорошо за Родину сражаться,
как хорошо найти в России смерть,
но лучше всё же на земле остаться,
и только после жизни умереть.

Да видит Бог, что есть ещё гусары,
а с нами сабли, Родина и честь,
светить нам будут русские Стожары,
пока они на небосводе есть.

* * *

Скорей всего, с тобой друг другу
мы вовсе даже не нужны.
Сними с себя любви кольчугу –
предмет далёкой старины.

Сними её и брось пылиться
как вещь ненужную, в чулан.
Захочешь, станешь вольной птицей,
лети хоть и за океан.

И я сниму свою, быть может,
она мне тоже тяжела,
хоть знаю, что кольчуга к коже,
как кожа к телу, приросла.

* * *

Сейчас не время разбираться,
что было и когда прошло.

Мы шли с тобой пешком из ЗАГС,а,
октябрь стоял, но всё цвело.

Цвели замёрзшие деревья,
зацвёл давно засохший клён.
Цветы украсили деревню
для нас с тобой со всех сторон.

Мы целовались беспрестанно,
весь мир сиял, как будто рай.
Прошли года и как-то, Анна,
ты зло сказала мне: «Прощай».

Мы шли с тобой пешком из ЗАГС,а,
стоял июль, но в этот миг
(Боюсь, вы будете смеяться)
мне падал снег за воротник.

* * *

— По какому поводу
не сидишь ты дома,
часто ходишь по воду
и к своим знакомым?

— Замолчи, бездельник,
я не промолчу,
ты сидишь без денег,
а я есть хочу.

* * *

Вечная грязь, темнота.
Где и когда это было?
Бездна, ничто, пустота,
пропасть, обрыв и могила.

Разве о том я мечтал?
Жаждал и солнце и лето,
славу искал, пьедестал,
женщин, цветы и банкеты.

Лопнула, словно стекло,
жизнь одного негодяя,
женщина грубо и зло
деньги в могилу швыряет.

* * *

«Бабушка, бабушка, как рождаются дети?» –
внучек несмышлёный к бабке пристаёт.
«Ох, не знаю, миленький, что тебе
ответить,
как всегда, наверное, головой вперед».

«Почему же, бабушка, так вот голову?» –
внучек непоседливый пристаёт опять.
«Ох, не знаю, маленький, ох, беда с тобою,
голова ведь умная, что ей отставать».

«Бабушка, бабушка, где детей находят?» –
ни на миг от бабушки внук не отстаёт.
«Что ж послушай, родненький, это знаю,
вроде,
Бог детей родителям за любовь даёт».

* * *

Не вечер, а сплошной кошмар –
полшага до греха.
То портит кожу мне комар,
то кровь сосёт блоха,

то налетает мошкара,
звения во тьме струной.
И я не знаю – до утра
что станется со мной.

* * *

Млечный Путь.
Бесконечность.
Не пора ль заглянуть
в вечность?

* * *

В раю, наверно, красота,
в аду, скорей всего, иначе.
А разобраться: на черта
мне жизнь прекрасная без чачи.

* * *

Погляди вокруг – повсюду
множество чудес:
вот цветенье незабудок
посреди небес.

Вот гремят и бьются тучи,
как бойцы в бою,
то ль за чьё благополучье
то ль за честь свою.

А за ними есть поляны,
где пасётся свет,
без которого землянам
счастья в жизни нет.

Ведь когда ночные страхи
вьются над землёй,
он в расцвеченной рубахе
бьётся с темнотой.

И она, мы видим, кошкой
мчится с неба вон.
Может, горько ей и тошно,
но таков закон:

чтобы светлое, по сути,
прогоняло мглу,

чтоб добро ни на минуту
не сдавалось злу.

Посмотри вокруг – отрада
в фонарях зари,
удивительное рядом,
что ни говори.

Вызывают восхищенье
лес, поля, ручей,
юной девушки смущенье
от мужских речей.

Мошкara, что днём над лужей
вяжет кружева,
и ползущая наружу
по весне трава.

Погляди вокруг – увидишь
то, что не видал:
серых елей пирамиды,
листьев карнавал,

самоцветные дождевики
в радуге цветов,
акварельные картинки
быстротечных снов.

Всё чудесно и красиво
в мире под луной,
даже плакальщицы ивы
хороши собой,

даже всем на удивленье,
овцы на лугах
вызывают восхищенье
в знающих умах.

Удивляйтесь и смотрите,
не жалея глаз,
всё до капельки любите,
словно в смертный час.

А за ту любовь и ласку
я вас награжу:
быль чудесную, как сказку,
тихо расскажу.

Никого томить не стану
обещаньем снов.
А слова спущу с аркана,
словно скакунов.

Пусть без усталости стрелою
мчат они вперёд

весть благую, а порою
веселят народ.

Может, им скакать до цели
много-много дней
сквозь морозы и метели
к разуму людей.

* * *

Причём здесь тоска и обида,
коль в брюках рваный карман.
Вспомни, как Атлантида
ушла сквозь дыру в океан.

Всякое в жизни случается:
был и исчез материк.
Не помогли ни отчаянье,
ни ужас в глазах, ни крик.

Но не на век панихиды,
не навсегда рост цен.
Люди нашли Антарктиду
потере своей взамен.

Так что держись бодрее,
зашей крепче брюки клёш
и, может, какие трофеи
тоже взамен обретёшь.

* * *

Я, может быть, и вправду не поэт,
а просто человек с воображением.
Чем больше в жизни творческих побед,
тем горше и страшнее поражения.

Пишу стихи я ночи напролёт,
оттачивая рифмы, как рубины,
я душу рву, так рвётся звездолёт
сквозь тернии в межзвёздные пучины.

Так ловят грудью яростный свинец
в сраженьях неизвестные герои,
не ведая, что истинный конец
приходит к павшим не на поле боя.

А лишь когда родные и друзья
про всё, что раньше было, забывают.
Так, может быть, и над стихами я
напрасно рвусь, напрасно умираю.

А вдруг меня не вспомнят за столом
мои друзья, далёкие потомки,
не восхитятся ни одним стихом,
как чёрной кошкой где-нибудь в
потёмках.

Не скажут грустно: «Он писал для нас»...
О, Боже мой, я это не осилю.

Умру тогда, наверно, в пятый раз
и повернусь раз пять в своей могиле.

А вдруг меня не вспомнят за столом
а если вспомнят, то не как поэта.
И скажет кто-то: «Был он стариком,
нескладным и чуть-чуть с приветом.

Но, правда, никого не обижал,
работал где-то, говорят, на стройке.
Я поднимаю за него бокал,
старик до смерти обожал попойки».

Но, Слава Богу, я ещё живой
и сам могу поднять бокал повыше.
Ну что поделать, если я такой,
и за меня никто стихи не пишет.

* * *

На конце огорода за баней
много лет уж из года в год
под забором, как на поляне,
куст крапивы простой растёт.

Мать моя никогда не любила
в огороде своём сорняки.

Этот куст почему-то простила
убеждениям всем вопреки.

Не лелеяла, не поливала,
ну, а он-то и сам не простак:
рос повыше забора, бывало.
не для удали, а просто так.

А когда порубил я палкой
ту крапиву из озорства,
мать спросила: «И что, не жалко,
чем тебе помешала трава?

И росла-то она у забора,
и не застила белый свет,
несмотря на колючий норов
от неё ни забот, ни бед.

Было время она кормила
и деревни, и города.
Не жила бы и я. – Попросила:
«Ты её не руби никогда».

«А в какое такое время?»
«Ну, конечно, сыночек, в войну.
Вот тогда-то крапивное племя
защило и нас и страну».

* * *

Я человек – венец природы,
каким и должен быть венец.
Я часть великого народа,
его начало и конец.

Я сам творю и создаю
земли и неба новый лик.
Я властью космос попираю,
настолько нынче я велик.

Нет для меня иных пределов,
как свой мальчишеский каприз:
коль захочу – взлетаю смело,
не захочу – то камнем вниз.

Я создаю свои законы
для сущих и не сущих тел,
чтоб хитроумные препоны
никто поставить не посмел.

Я преступаю все границы,
не зная власти над собой,
которой следует молиться
и верить искренне душой.

Я человек – венец природы,
я – бог, я – царь, отец и мать.

Плюю с презрением на невзгоды...
Боюсь лишь только умирать.

Песня рыбаков

Перечитав инструкций сотни кип,
услышав на прощанье: «Братцы, надо»,
мы по морям гоняем стаи рыб,
как пастухи в степях гоняют стадо.

А волна опять крутая
ломит через борт.
Где искать нам эти стаи
мойвы, иваси, минтая,
знает только чёрт.

Избороздили Тихий океан
и, наконец, забили рыбой трюмы.
Пой аллилуйя, вездесущий план,
тебе не стоит нынче быть угрюмым.

Океан не запугает
крутизной волны.
Мы всю жизнь гоняем стаи
мойвы, иваси, минтая,
тем мы и сильны.

Мы возвращаемся к родимым очагам,
которые без нас, что чёрту свечи.

При встрече место смеху и цветам,
а нас встречают лозунги и речи.

Океан совсем не знает,
что потребно нам,
потому он гонит стаи
мойвы, иваси, минтая
и подобный хлам.

Нам Родина отцовский шлёт привет,
газеты посвящают нам «подвалы»,
за то, что выполняем мы завет,
верней сказать, всё тот же план по валу.

Мы страну свою снабжаем
с фирмой «Океан»,
чем душа не пожелает:
мойвой, иваси, минтаем —
что не гоже нам.

А завтра снова в Тихий океан
искать всем надоевшие хвосты.
Они не те. Но вездесущий план
сильней, чем ваши вкусы и мечты.

А волна опять крутая
ломит через борт.
И опять гоняет стаи

мойвы, иваси, минтая
наш советский флот.

* * *

Памяти Владимира Бойко

Ну, что же ты, Вовка, так рано собрался,
так скоро запряг лошадей?
Ведь ты не нажился, не нацеловался
с женой ненаглядной своей.

Ты сына провёл не по всем перевалам,
и душу ему не раскрыл.
Зачем же ты горем наполнил бокалы
и первым бокал осушил?

Мы тоже, бывает, куда-то уходим,
за призрачным счастьем спешим.
А ты вдруг отстал, мой товарищ Володя,
и гордый твой конь засбоил.

Быть может, он там перепутал дороги,
истратил все силы в борьбе?
И не нашлось ни любви, ни подмоги,
ни доброго слова тебе.

А мы, как нарочно, тот миг проглядели,
не оглянулись назад...

Я плачу, Владимир, как плачут метели,
сердечные раны болят.

Душа почернела, и нервы, как нити,
порвутся, того и гляди.
Я так не хочу тебя видеть в граните,
что хоть за тобой уходи.

* * *

Спроси любого мудреца:
«А кто же твой отец?»
«Увы, не знаю я отца», –
ответит вам мудрец.

Задай священнику вопрос:
«Ты грешен или нет?»
Он скажет: «Чист Иисус Христос», –
тот час тебе в ответ».

Тогда у смертного спроси:
«Ты властвуешь собой?»
И не найдёшь во всей Руси
довольного судьбой.

А коли так, то горевать
не стоит ни о чем,

ведь всё равно, ядрена мать,
мы в рай не попадём.

* * *

У моей Любашки волосы – ромашки,
у моей милашки – сказочная грудь.
Я возьму фуражку, застегну рубашку,
сапоги начищу и отправлюсь в путь.

За моим порогом, прям через дорогу
скромной недотрогой милая живёт,
встретит меня строго, а потом, ей-богу,
будет разговоров полон её рот.

Как всегда бывает, поднесёт мне чаю,
я, от счастья тая, выпью весь бокал.
Посмотри, родная, снег слезу роняет,
воробьи на крышах пьяные в повал.

За твоим оконцем разыгралось солнце,
тонким волоконцем тянутся лучи,
ткёт оно суконце, метр по червонцу,
а за десять – метр солнечной парчи.

Засмеялась Люба, милая голуба,
я сижусь и люблю слушать её смех.

Ах вы, душегубы, розовые губы,
ну, зачем наводите вы меня на грех.

Медленной походкой мы идём с красоткой
небольшую лодку по большим волнам,
и качает лодку, как прохожих водка,
а весна дорогу уступает нам.

* * *

Глаза я Ваши – лучшие из глаз,
и модное изысканное платье
благословляю сотни тысяч раз
и столько же им шлю свои проклятья.

Глаза и платье – неземной экстаз –
Вас одаряют ангельскою статью.
Любуюсь я, и я молюсь о Вас,
как о сестре должны молиться братья.

И в тот же миг я проклиная их:
глаза другим моргают то и дело,
а платье модное от глаз моих
скрывает притягательное тело.

И я двоюсь. Всё так, и всё не так,
то умный я, а то совсем дурак.

* * *

Неплохо, знать, Еве живётся в раю:
жалеет её Адам,
своей красотой смущает Змею
и прочих там райских дам.

Ей Бог, сотворяя, дал божьи черты
и часть бессмертной души.
Живёт в чистоте она средь красоты,
не гнёт хребет за гроши.

Однажды лежала она под кустом,
купаясь в дрёме своей,
и, вдруг, ощутила своим животом,
что к ней прислонился Змей.

И было ей славно, хоть песенки пой.
Когда же пришёл Адам,
она приласкала его под сосной
и яблочко пополам.

И сладким был этот причудливый плод...
С тех пор во все времена
на завтрак и ужин охотно даёт
яблоки мужу жена.

А Ева с Адамом пошли под венец,
стали добра наживать.

Адам, как известно, был добрый отец,
Ева – хорошая мать.

Хотя для сомнения поводы есть,
и можно поднять скандал.
А, вдруг, этот змей отнял Евину честь,
и семя своё ей дал?

А, вдруг, у Адама сыны – не сыны,
а просто чужая плоть?
И мы, их потомки, – родня Сатаны
и не отец нам Господь?

* * *

Жена меня ругала, как хотела.
«Болван, – кричала, – олух и кретин».
Конечно, меня выгнали за дело,
но всё же меня малость подзаело,
ведь пил я не один.

Мне мастер говорил: «Ты просто дурень,
тебя начальство слопает с дерьмом».
Конечно, ни к чему мне эта буря,
но ни один же я набедокурил,
ведь пили мы втроём.

Профком сказал, морально я нестойкий,
мол, безобразник и собачий сын.

Конечно, боком вышла мне попойка,
но пил я из горла за перестройку,
тем боле не один.

Друзья просили: «Пострадай за массы,
как за людей страдал Иисус Христос».
Конечно, горе – повод не для кваса,
тем боле мы – старинного закваса,
вот в чём вопрос.

Мне за неделю прожужжали уши,
как будто я действительно кретин.
Конечно, я их всех попереслушал,
но все ж меня опять обида душит,
ведь пил я не один.

* * *

За окнами трещат ещё морозы,
и заплутала где-то пьяная весна.
А в телевизоре танцует группа «Тодес» –
весёлая московская шпана.

Мне ни к чему столичные балеты,
мне ни к чему мельканье женских ног.
Соблазнов много видел я на свете,
лишь без весны я обойтись не мог.

Я выпью рюмку за её здоровье
под танец молодых и крашенных девиц.
Скажи, весна, что делать мне с любовью,
не знающей ни правил, ни границ?

Куда идти с ней? За окном морозы,
а до тепла, считай, сто тысяч вёрст,
кружится голова, как группа «Тодес»,
как пёс, себя кусающий за хвост.

Куда ни кинь, всё без тебя пустое,
всё жизнь колёса палкой тормозит.
Я ждал любовь, как минимум с тобою,
она ж зимой мне нанесла визит.

* * *

Я не понял ни слова из слов,
что ты крикнула мне вослед,
мне глаза застилала любовь,
как божественный свет.

Побежал – только ветер в ушах,
только слёзы застыли в лёд.
Вот и свет превратился во мрак
и мгновение – в год.

Я тогда оглянулся назад,
чтоб услышать твои слова.

А увидел глаза-образа,
целых два божества.

Я у них не прошу даже крох:
блудный сын не достоин благ,
что даёт человеку Бог,
даже если он весь в слезах.

* * *

Предлагает она из всех сил:
покупай, я не много возьму.
Нет, цыганка, тебя б я купил,
а халат мне совсем ни к чему.

* * *

Не в Лондоне, не в Кракове,
не в Мурманске, не в Сочи,
а в хуторе Потапове
живу я, между прочим.

Растёт в садах смородина,
цветут цветы чудные.
Здесь малая, но Родина -
часть матушки России.

Я исхожу истомою,
всё хорошо, как в детстве,

и от того, что дома я,
мне никуда не деться.

Я не люблю чужие
ни города, ни страны,
здесь все вокруг родные
без всяческих изъянов.

Все как один мне рады,
и я всем тоже рад.
Вот дом мой, вот ограда
и там мой райский сад.

* * *

На меня зафыркал месяц
рыжей кошечкой усатой,
мол, не прячься за забором,
не мешайся на пути,
не гляди, мол, в небо, парень,
с непонятным мне укором,
хочешь, нет ли, но придётся
на свидание идти.

Я и сам идти не против,
но уж больно ярко светит
это рыжее создание —

половинка от Луны.
Знаю, ждёт меня красotka,
потому что на всём свете
только мы с ней друг для друга
этим вечером нужны.

У любого приключенья
есть законные истоки,
у любовного свиданья
нет законов никаких.
У неё есть муж ревнивый,
есть известные пороки,
у меня лишь чуб кудрявый
да везенье за троих.

Ну-ка, месяц, брысь с дороги,
поскорее прячься в тучу,
мне стоять уже нет мочи,
время, видишь ли, не ждёт.
Ты и так своим сияньем
душу всю мою измучил,
отдохни сегодня ночью,
утром лезь на небосвод.

Заворчал ночной прислужник
и, как шторой на окошке,
захватив бесстыдно тучку,

заслонился от меня.
Я, ещё чуть-чуть помешкал,
прыгнул в сторону с дорожки
и помчал по огородам
расторопнее коня.

* * *

Знаешь, Шарик, ты хоть и собака,
и другой тебе писан закон,
я с тобой поболтал бы, однако,
непохожий у нас лексикон.

Ты ни слова по-человечьи,
и ни буквы из мови людской.
Впрочем, я на собачьем наречье
точно также ни в зуб ногой.

А хотелось бы за разговором,
посидеть на траве допоздна,
повалиться с тобой у забора,
где роняет цветы бузина.

Растревожить несчастную душу,
как положено дураку...
Сердце бьётся всё тише и глуше,
как ни разу ещё на веку.

А пока я с тоски помираю,
расскажи мне, собака, о том,
для кого ты так радостно лаешь,
и нелепо виляешь хвостом.

Это что за собачья наука,
всё известно в ней наперёд:
ты вильнёшь – понимает сука,
отвильнёшь – и кобель поймёт.

Я виляю хвостом, вся округа
ни вниманья в ответ мне ни слов.
То ли глухи мы так друг к другу,
то ли дело в длине хвостов?

* * *

Расстегнула кофточку –
погляди,
поцелуй, как розочка,
на груди

распускает нежные
лепестки.
Он сказал ей вежливо:
«Ты не жди»,

и ушёл, а девочка
всё ждала,

на груди ту веточку
берегла.

И слезой политая,
как дождём,
разгоралась розочка
голубым огнём.

* * *

Ну, потанцуй со мной. Как прежде
задуй усталую свечу.
Я вся горю, живу надеждой
и жить иначе не хочу.

Рука в руке. Струятся звуки,
как волны светлого ручья.
За что, скажи, такие муки,
твоя я или не твоя?

Я на себя возьму страданья,
отдам всю гордость сгоряча.
Проходит ночь, но нет свиданья,
и вся истаяла свеча.

* * *

На шею петлю. Поминай, как звали.
Я так решил избавиться от пут.

Мне наплевать, что ангелы не звали
меня ещё к Христу на страшный суд.

Не звали? Что ж, пойду без приглашенья,
пусть извинит или прогонит с глаз.
Я не такие вынес униженья,
склонюсь смиренно и на этот раз.

Мне нет до Бога никакого дела,
и от чертей не надо ни гроша.
Так для чего тогда сгубила тело
угодливая, подлая душа?

* * *

Свою любовь навеки прокляну
и грязным подозрением обижу.
Я растопчу её, её унижу,
и все грехи я ей вменю в вину.

Свою любовь совсем не берегу
и не заплачу, если потеряю.
Я днём и ночью Бога умоляю,
отдать её заклтому врагу.

Пусть он, как я, почувствует любовь,
и пусть унизится и, как ведётся,

страдает пусть и пусть сопьётся,
и мучается вновь и вновь.

* * *

Свою судьбу благодарю
за то, что так ко мне жестока,
за то, что каждую зарю
встречаю утром одиноко,

за то, что по ночам не сплю,
что сердце истекает кровью,
за то, что я тебя люблю
тебе неведомой любовью.

* * *

Плачет Ева: «Как мне быть,
как Адама искусить,
на прилавках яблок нету
и не знаю, где купить?

На морковь не клюёт,
он её не признаёт,
говорит: «Иди на рынок,
может, там, кто продаёт».

Соблазниться на салат
не желает супостат,

говорит: «Детей захочешь,
разведёшь на кухне сад».

Создала в квартире рай,
что угодно выбирай.
А он снова носом водит,
мол, не вижу урожай.

Рай не хочешь, – будет ад.
Искуситель – парень хват,
соблазнить твою подружку
и без яблок будет рад.

Только позже не пеняй
и судьбу не проклинай.
Есть ли яблоки, иль нету –
ты свою работу знай».

* * *

Утром звал сосед соседа,
чтоб помочь
воду в ступе до обеда
потолочь.

Приходи, мол, потолкуем,
и вдвоём
все баклуши подчистую
перебьём.

Ну, а если будет надо
станем пень
колотить среди ограды
целый день.

Повезёт коль, то отыщем
третьяка,
поволяем на игрище
дурака.

После ужина до дому -
и в кровать.
Завтра надобно другому
помогать.

* * *

Мне как-то Бог сказал, как сыну:
«Хоть пей, а хоть не пей вино,
умрёшь ты, братец, всё равно,
вино – не главная причина. –

Потом добавил, – Всё пустяк,
и ты пустых не слушай слухов,
ты всё равно помрёшь, как муха,
хоть куришь или нет табак.

И зря гордишься ты женой
и только с ней лежишь в постели.

Как и гуляка из борделя,
ты в мир отправишься иной».

Спасибо, господи, тебе
за тяжкий крест и за науки.
Жаль, только зря терпел я муки,
и жизнь свою провёл в борьбе.

Спид

Это ж надо, до чего мы докатились!
Я не знаю, кто там бодрствует, кто спит:
то ли бабы совершенно развратились,
то ль начальники от жиру распустились,
то ли просто прозевали этот СПИД?

Как зерно, рассеяли заразу,
вся планета наша – смрадный туалет.
Говорят, выходят три указа:
про шприцы, постель и унитазы
и про то, чего в продаже нет.

Распознать попробуй, где таится,
ведь не станешь каждому кричать:
«Вам, гражданка, надо обратиться,
гражданин, а вам пора лечиться».
И на лоб им круглую печать.

Я с ума схожу от напряжения
и от страха – честно признаюсь.
Я боюсь душевного волнения,
поцелуя, соприкосновенья,
со спины, так и себя боюсь.

Что же делать, как оберегаться?
Я жену стращаю каждый день:
«По театрам не моги шататься,
и не смей с подругами якшаться,
и штаны на цепочке надень».

Собираюсь утром на работу,
снаряжаюсь, словно водолаз.
Я всю завидую пилотам,
там они одни в своих высотах,
и у них с собой противогаз.

А сегодня – надо ж – нервы сдали,
написал в Верховный аж Совет.
Я прошу, чтоб честно мне сказали,
может, нас нарочно заражали,
может, то на мне эксперимент?

Или это в мировом масштабе
истребление классовых врагов?
Если так, сообщите моей бабе,

что всё это утверждалось в штабе
и, что надо слушать мужиков.

* * *

Задала ты мне работку
аж в запар:
ездил в «Книжную находку»,
в «Антиквар».

Твоя просьба, как удавка
мне на жисть —
бегал в «Пушкинскую лавку»,
в «Букинист»,

в магазины по Арбату
заходил,
ничего, раз нету блата,
не купил.

Тут какой-то шаромыга
говорит,
что в столице нашей книга —
дефицит.

Нам нельзя писать без спросу,
а писатели
иль в деревне на покосах,
иль все спятили,

потому, что, вроде, пишут
чепуху.

Только ты про это тише –
ни гу-гу.

* * *

Я битву страшную веду
с утра на подступах к столице:
рублю осот и лебеду,
рублю крапиву и щирицу.

Рукой недрогнувшей врагов
со сладострастью убиваю,
я не жалею ни вьюнков,
ни разномастных молочаев.

Гублю пыреи по пути,
полынь с хвощом лишаю жизни.
Я не позволю им цвести
в моей красавице отчизне.

Я ни за что не дам врагу
трубить победу в десять глоток.
Я защищаю, как могу,
мои несчастные шесть соток.

Бальзамин

Не волнуйтесь, гражданин,
вам поможет от запоя
это зелие простое –
недотрога-бальзамин.

Успокою милых дам,
нет причины для волнения:
облегчать деторождение
бальзамин поможет вам.

Все болезни человечьи
исцеляет бальзамин.
Лишь от глупости не лечит
он ни женщин, ни мужчин.

Безглагольное

Апрель, лужайка и свирель,
подснежников волнение,
а на лужайке карусель
от моего кружения.

И ласка солнечных лучей –
мелодия для танца.
Она при мне, и я при ней,
как время и пространство.

А за апрелем сразу май,
и тоже море света,
свиданья, шутки – божий рай
с апреля на все лето.

Клара

Ах, милая, милая Клара,
ты так несказанно умна,
читаешь Лукреция Кара,
Гомера и Ибн-Сина.

Цитируешь к месту Платона,
Хайяма и Рудаки,
ты знаешь людей и законы
не хуже, чем старики.

Головка твоя завитая
похожа на майский лужок,
где зла и печали не зная,
играет в рожок пастушок.

И ты бы могла украшеньем
сверкать на этом лугу.
Вот если бы только от чтения
не завихренья в мозгу.

* * *

Вышел скотник Иванов
с томиком Гомера,
попасти своих коров
возле Бельведера.

Сел тихонько под кустом,
послунявил палец,
и читать с открытым ртом
принялся засранец.

Прочитал пятнадцать строк,
пот посыпал градом,
больше выдержать не смог
пытки «Илиадой».

Боже милый, пожалей
пастухов Рассей,
отведи, как от чертей,
их от «Одиссеи».

Был весёлый месяц май,
день в цветах лазурных.
Бог в ответ ему: «Читай,
надо быть культурным».

* * *

Дядя Коля, выпив чарку,
говорит: «Господь с тобой,
режь барана или ярку,
раз уж пир, так пир горой».

Баба Нюра проворчала:
«Успокойся, дуралей,
съешь грибочки для начала
да ещё себе налей».

«Ну, уважила, старуха, —
дед в грибочек вилкой тык, —
знамо дело, медовуха
много лучше, чем шашлык».

* * *

Собирались Васька с Сашкой,
кум Иван да Алексей,
бились в карты на отмашку
до кровавых мозолей.

Бились днём, сражались ночью,
забывая сон и жён.
Вам никто не скажет точно,
кто из них был чемпион.

Протекали тихо годы,
зарастали дни быльём.
Умер кум Иван, природа
дело сделало своё.

Обрядили, схоронили,
помянули как нельзя.
Разошлись все. Приуныли
пуще прежнего друзья:

«Ты, Иван, не думай плохо
уж не знаем, как и быть,
карты в ноги в суматохе
позабыли положить».

Уходили, горевали:
«Знать и вправду дураки».
В карты больше не играли
с похорон тех мужики.

Рецепт

Возьми большой кусок добра,
что души лаской согревает,
добавь веселья полведра
(избыток здесь не помешает).

Прибавь в полученную смесь
любви, надежды и участия.
Попробуй это зелье съесть
и обойдут тебя несчастья.

* * *

Платите деньги, господа,
за то, что вы едите,
за то, что веселы всегда
и спите с кем хотите.

За то, что вы не дураки,
коньяк с шампанским пьёте,
за то, что мёртвые враги,
а вы... пока живёте.

В мире зверья

Уж, не знаю, как вы, а я плачу,
слёзы сами текут в три ручья.
Я не ездию даже на дачу,
до того я люблю передачу
называется... «В мире зверья».

Попугай привезён с заграницы,
ничего не попишешь – хорош!
До чего всё же умная птица:

и ругается, и матерится...
На Хазанова больно похож.

Медведей здесь любого росточка,
правда, я не скажу, как их звать.
Белый тот – Моргунов, да и точка,
а второй, что разъелся, как бочка,
ну, Леонов, едрит твою мать.

Про мартышек люблю я картины,
сразу вижу шутов и шутих.
У Никулина жа образина
обезьяняя наполовину,
а Попов – безобразнее их.

Показали морскую корову.
Истребили её, говорят,
ни за что, ни про что, за здорово,
а ревела, прям, как Пугачёва,
как ансамбля «Весёлых ребят».

Всё ж Дроздову претензию двину,
чтоб заявки примал от трудяг.
Я хочу посмотреть Константина,
ну, Аркадия Райкина сына,
и не в клетке, а просто бы так.

Уж, не знаю, как вы, а я плачу,
слёзы сами текут в три ручья.
Я на днях продала свою дачу
и теперь все денежки трачу
на концерты зверья.

Коммунизм

Струпья, кровь, гноище, черви,
бели, кал, моча и вошь.
Хлещут водку, млеют стервы,
отдаются ни за грош.

Лесбиянки, гомосеки,
трансвестизм и фетишизм.
Звери, недочеловеки
лезут с визгом в коммунизм.

За кусок тебя погладят,
а за два полижут срам
полу тётя, полу дядя,
полу самка, полу сам.

Нет хвоста – виляют задом,
отработанный приём.
Коммунизм почти что рядом:
кто под ним, а кто на нём.

Транспаранты, серп и молот,
бабьи слёзы, детский плач.
Страх, фискалы, голод, холод,
кровью залитый кумач.

Осопливевший от лени,
непохмеленный мужик.
На колени! Славься, Ленин!
И серпом по яйцам – вжик!

Пролетарии

Хватит, поработали, будя с нас!
Мы не обормоты вам, мы – рабочий класс,
проще, пролетарии – не ядрёна вошь,
голыми руками нас не возъмёшь.
Ведь не зря в истории только нас
прославляли Энгельс и Карла Маркс.
Мы руками этими буржуйам
надаём по задницам и шеям.
А добро буржуйское, как должно,
превратим мы в мусор всё и в говно.
И на этом мусоре заживём,
что ещё отыщем, то пропьём.
Ох, же и весёлая наша жизнь,
коммунисты строят нам коммунизм.
а под красным знаменем, как всегда,
раздаём по прянику всем жидам.

Мы и демократов можем пощипать,
показать им кузькину и ядрёну мать.
Задурим правителям все мозги:
нам давать бумажками – не моги.
Нам давай, чтоб выпивка и пожрать,
до утра не смели чтоб кантовать.
Если ж демократия даст ишшо,
нам и с демократами будет хорошо!

Унитаз

Унитаз в стихах не воспевают,
музы ведь не ходят в туалет,
лучше рассказать, как с яблонь в мае
облетает снежной пылью цвет.

Нет, не пишут про него сонетов,
песен, од, критических статей.
Ну, и зря, ведь эти табуреты
кое-чем похожи на людей.

Словно в них сливает в наши души
всякая бессовестная мразь:
паразиты, изверги, кликуши –
лжи, разврата и бесчестья грязь.

Чтоб не съела нас эта зараза,
делай, как у нас заведено:

чаще дёргай ручку унитаза
и смывай решительно дерьмо.

Перестройка (Сказка)

Нынче слышно, нечисть вся
пе-ре-стра-и-ва-ет-ся,
чистит кожу.

Говорят, что сам Кощей
умереть решил скорей,
но не может.

Он Горыныча позвал:
«Ну-к, сожги меня, нахал,
ты дыханьем,
только сильно не воняй
и по чину сохраняй
расстоянье».

Через день его к стене:
«Ты нанёс ущерб стране
и всем гадам:
умертвить меня не смог,
несмотря на вонь и смог,
дул без яда.

Как теперь, ядрена мать,
мне начальству докладывать,
что не помер?
Ты, бездельник, краснобай,

сам за этот отвечай
номер».
Змей слезу пустил чуть-чуть:
«Я могу и присягнуть
вам до гроба».
Шеф Горыныча простил,
телеграмму вверх отбил:
«Сдохли оба».
А начальница Змея
тоже ум-нень-ка-я
в меру,
раззвонила, что Кощей,
вместе с ним Горыныч-змея –
пионеры.
А поэтому указ
издаётся кем-то в раз
точно,
чтобы этим гадам дали
ордена или медали
срочно.
И пошла вовсю попойка.
За Змею, за перестройку
тосты.
День и ночь звенят бокалы
всё как было, так осталось,
просто.

* * *

Был когда-то и я молодым,
кипятился, как все молодые.
«Бога нет, – я кричал, – это дым,
сказки, бред, прибаутки пустые.

Если есть, пусть накажет огнём,
пусть водой, пусть какой-нибудь хворью.
Мы без бога прекрасно живём
и не знаем, не ведаем горя».

А теперь я уже постарел,
пережил и несчастья и муки,
я уже поседел, я уже поумнел,
я уже изучил все науки.

И уже не рычу, как бульдог,
не ищу без вины виноватых.
Я тихонько шепчу: «Упаси меня, Бог,
от таких, как я был, бесноватых».

Лук

Лук, говорят, от всех недугов,
которыми страдают люди,
поможет, как в несчастье друг,
без предисловий и прелюдий.

И даже если слёзы лить
придётся, словно на поминках,
приятно помощь получить
с такой пикантной горчинкой.

Тень

Меня преследует весь день,
как дурака собака злая,
моя привязчивая тень,
ни сна, ни отдыха не зная.
Идёт по улице со мной
по лужам и по тротуарам
то впереди, то за спиной,
как узаконенный подарок.
Я не могу один пойти
ни в магазин, ни на свиданье.
Она шагает впереди,
храня упорное молчанье.
Что за идея, что за цель
меня преследовать повсюду,
зачем такая канитель
навязана простому люду?
А, говорят, ответ простой
на это проявление мысли.
Раз тень со мной, то я живой.
Тень – это просто признак жизни.

* * *

Куда-нибудь, зачем-нибудь
но, видно, надо собираться
нельзя же вечно оставаться
ни кем-нибудь, ни с кем-нибудь.

Давно пора свой выбрать путь
и Богу своему молиться,
по-настоящему влюбиться
в одну, а не в кого-нибудь.

А может быть весной заснуть
и только осенью проснуться,
когда кровавых революций
народом уяснится суть.

В своей берлоге отдохнуть
от суеты и от волнений,
дать волю вековой лени,
пусть позабавится чуть-чуть.

Теснит и голову, и грудь
неразрешённое сомненье:
какое выбрать направление,
в какую сторону свернуть?

Хотелось бы когда-нибудь
найти бесспорное решение:

восстать ли, пасть ли на колени,
застыть иль двигаться как ртуть
куда-нибудь, зачем-нибудь?

Поэту

Пиши, что в голову взбредёт,
а что взбредёт – по барабану.
Дурак, поди, не разберёт,
а умные читать не станут.

* * *

Спи спокойно. Спелой рожью
волос пусть спадает с плеч.
Я твой сон не потревожу,
я смогу его сберечь.

Словно брови, сдвину шторы,
дверь закрою, не зайти.
Сплетни бабы и раздоры
не найдут к тебе пути.

Огражу от зла любовью,
только спи, спокойно спи,
знай, что я у изголовья,
словно Цербер на цепи.

Шутка

Вот с утра опять скандал:
шум, стенания, упрёки.
Зря я в лес не убежал,
мог бы жить там без мороки.

Я упал бы в траву ниц,
позабыв дела и беды,
и под пенье добрых птиц
спал спокойно до обеда.

* * *

Говорила мама, как всегда, со смехом:
«Ты пиши, сын, песни, любит их народ,
потому что песни – формула успеха,
глянь, как Добронравов хорошо живёт».

Говорил мне папа: «Это не потеха,
ты пиши, что хочешь, только продавай
и запомни, деньги – формула успеха,
эту математику глубже изучай».

Папеньке и маменьке отвечаю эхом:
«Жалиться на что-то – непрощённый грех.
Я давно уж выучил формулу успеха:
меня любит Валенька – вот и весь успех».

* * *

Опять затеял ветер перебранку
с осенней мглой и глупым вороньём.
Нахохлившись, стоит деревня Серебрянка
и думает о чём-то о своём.

Наверно, есть в душе её печали
иль радости, побольше бы их нам.
Как ветры годы над селом промчались,
их сосчитать нетрудно по крестам.

Крест за крестом, могила за могилой,
теснятся как листы в календаре.
Пятнадцать лет назад не стало милой
и я умру, наверно, в январе.

Ну, что же я расхныкался, как баба,
болезнь ли гложет, иль томит хандра?
О будущем, о будущем бы надо,
а не о том, что сгинуло вчера.

Вот, кстати, ветер, как бумагу, тучи
помял, порвал и разбросал клочки.
Идёт мальчишка, о мальчишках лучше
путь думают почаще старики.

Чтоб затянуло кладбище травой,
чтобы кресты служили только нам.

Опять кресты... Оставим их в покое,
а будем всё считать по пацанам.

Мы отболеть должны, чтоб не болели
они вперёд, чтоб ни одна беда
их не коснулась, умирать не смели
чтобы никто, нигде и никогда.

Забудь, деревня, про свои несчастья,
тебе стремиться рано на покой.
Расти детей для дела и для счастья,
пусть будет Бог и с ними, и с тобой.

* * *

Я сегодня опять сам не свой,
я сегодня немного грущу.
Проводи меня, Женя, домой,
я домой без тебя не хочу.

Нынче вечер мне что-то не мил,
на душе то ли дрожь, то ли зной.
Может быть, я тебя удивил
проводи меня все же домой.

Я тебе обо всем расскажу,
расспрошу о подруге твоей.

Я с ума почему-то схожу,
на корню засыхаю по ней.

У Татьяны глаза – угольки
то смеются, то жалят змеёй,
волос чёрный плывёт плутовски
под моею несмелой рукой.

Улыбнётся она, я хочу
к небесам полететь мотыльком,
загрустит – сразу в пропасть лечу,
словно заяц с горы кувырком.

Проводи меня, Женя, домой,
больно мне одному уходить,
вытри слёзы сегодня с тобой
я о многом хочу погрузить.

* * *

Да, надо жить, но как не знаю,
сказать о том позор и стыд.
А в жизни всё определяют
предубеждения и быт.

Весь мир мираж, всё в нём химера,
иссяк познания родник,
ведёт вперёд слепая вера,
хотя слепец – не проводник.

* * *

Лестница крутая
в облака ведёт.
В облаках летает
чей-то самолёт.

Был закат багряный
и холодный лес.
Я к аэроплану
с умыслом полез.

По ступенькам шатким,
чтоб наверняка,
лезу без оглядки
я под облака.

Обливаюсь потом,
в страхе сам не свой,
здравствуюсь с пилотом
правою рукой.

Говорю сердито:
«Вот ведь, волчья сыть,
я уже великий,
должен в небе жить».

Поглядел он строго:
«Ну, ты, братец, «гусь».

Лезь уж прямо к Богу...»
Только я боюсь.

* * *

Мы забрели с тобой на пляж,
где, как всегда, полно народа.
Чтоб сохранить свой макияж,
ты не полезла снова в воду.

В реке купанье не любя,
ты сарафан свой всё же стащишь.
И солнце станет на тебя
глаза бесстыжие таращить.

И ветер примется ласкать
рукой невидимой бикини.
Весь мир сойдётся, как пить дать,
на животе у Валентины.

Я рядом посижу с тобой,
не брошишь ведь тебя такую,
Я охраняю твой покой
и до беспамятства ревную.

* * *

Начитался всякой дряни,
напитался ерундой.

Брюсов, Игорь Северянин,
Блок, Набоков, Лев Толстой,
Гоголь, Лермонтов, Есенин...
Не забудь, ядрена мать,
коль мечтаешь о спасенье,
ЭТИХ надобно читать!

* * *

Поэты думают стихами
в отличие от других людей.
Коль вы писать хотите сами,
возьмите несколько идей,

добавьте рифму в каждой строчке,
задайте ритм или размер.
«Я вас любил...»
(Уж это, точно,
для подражания пример).

И в добрый путь...
Хоть ночь творите,
хоть две, хоть три – всё не беда.
Не получилось, говорите?...
Начните заново тогда.

* * *

То болезни, а то неудачи,
беспокоит всякий пустяк,

не исправить ни смехом, ни плачем,
всё, что сделал наперекосяк.

Ни врачи, ни друзья, ни монахи
не помогут – хоть в стену лбом,
если ждут в нетерпенье у плахи
смерть с безжалостным палачом.

Что ж, рубите, пусть все проблемы
отлетят, словно с плеч голова:
не нужны мне стихи и поэмы,
надоели пустые слова.

Размечтался. И зря. Не просто
от проблем налегке увильнуть.
Через мрак, через боль до погоста
ещё долгий мучительный путь.

* * *

Наш клуб деревенский. На медленный
танец
тебя пригласил я, ты руку дала.
Я сам деревенский, а не иностранец
ты тоже в деревне всю жизнь прожила.

Ты в юбке короткой и кофточке белой
свежа и приятна, прекрасна, как рай.

О, как я люблю твоё юное тело,
что хоть среди зала ложись, умирай.

А всё начиналось светло и красиво,
тебя провожал по ночам до крыльца.
Я был беззаботный и очень
счастливый,
я думал, что счастьем не будет конца.

И ты ворковала домашней голубкой
весёлые песни на праздничный лад,
твои целовал на прощание губки,
а ты поцелуй возвращала назад.

Так что же случилось? Иль
встретились рано,
иль душу твою загубила весна?
Выходит, любовь обойтись без обмана
не может на свете во все времена.

Мелодия танца, грусти и печалься,
мы всё ещё рядом лицо у лица.
О, медленный танец, прошу, не
кончайся,
чтоб не было этому счастьем конца.

* * *

В давние минуты,
видно за грехи,
чёрт меня попутал
взяться за стихи.

Кумушки судачат:
– Неуч, а туда ж!
От соседей прячу
я свой карандаш.

Вот на пашне ясно,
что к чему, а тут...
Мучаюсь напрасно.
Рифмы не идут.

Может бросить это,
про стихи забыть?
Тракторист поэтом
может и не быть.

Я себя настрою
как артист рояль.
Плуг дымит, порою
закипает сталь.

Но сомненья гложут:
думаю о ней,

что всего дороже,
что всего милей.

И от думы этой
нелегко остыть.
Тракторист поэтом
тоже может быть.

Снова я рифмую,
и не сплю опять.
Видно, не могу я
жить и не писать.

* * *

Здорово, Вася, я из автомата.
Ага, с Садовой, там, где магазин.
Живу? Сегодня снова плоховато:
болею шибко, а пока один.

Вчера недурно, по пятьсот на брата,
не с Мишкой, с Машкой, тоже хороша.
Козе понятно, было маловато,
не забалдели, если б без «ерша».

Я здесь с восьми. Да нет, пока не светит.
Да все здесь есть: хоть пиво, хоть вино.

Я душу бы отдал и все, что есть на свете,
да нечего отдать, вот то-то и оно.

Ну, хоть проси кого за ради Бога.
Так не кого, не видно ни души.
Эх, жизнь копейка, жаль, что их не много,
а то бы не страдали алкаши.

Ну, ладно, Вася, подгребай к Садовой,
а там и Мишка, может, подойдёт.
Даст Бог, и всё у нас пойдёт по новой,
побольше б только божеских щедрот.

Крикун

С трибуны совещанья,
стуча крылами в грудь,
петух дал обещанье
несушку подтянуть.

Он пел, как фортепьяно,
от имени всех птиц:
«Несушка даст сверх плана
не меньше ста яиц».

Пожар рукоплесканий
уже давно затух.
Вот снова совещанье,
на нём опять Петух.

Он голосом осипшим
чуть слышно прохрипел:
«Не знаю, как и вышло...
не смог, не доглядел.

Но я прошу собрание
простить на первый раз,
даю вам обещанье
от имени всех нас.

Несушка даст сверх плана
не сто, а все пятьсот...»
Петух кричит, как пьяный,
себя крылами бьёт.

Под гром рукоплесканий
Петух спустился в зал.
На новом совещанье
он снова клятву дал.

И так с тех пор ведётся.
Хотя давным-давно
несушка не несётся,
от старости, должно.

А не пора ль собранью
тех, кто кричать силён,

под гром рукоплесканий
спроваживать...в бульон?

* * *

В Китае каждому вору
рубили руки или ноги.
Не хочешь жить, мол, по добру –
живи убогим.

А если бы закон такой
принять в России,
то управляли бы страной
безрукие хромые.

Утро

Посмотри-ка, что за чудо!
Видно, добрый чародей
превратил в хрусталь посуду,
нарядил в шелка людей,

разукрасил пол и стены
в золотые янтари.
На щеках у тёти Лены
притаились снегири.

Расцвели на диво Ане
клумбы прямо на коврах,

на подушках, на диване
и на книжных стеллажах.

И вода из крана льётся,
словно сок или вино...
Это рано утром солнце
заглянуло к нам в окно.

* * *

«Любовь приходит по весне», —
сказала как-то бабка мне.
Я это знаю и сама,
но у меня всю жизнь зима.

* * *

Дураки шагают в горы,
будто нет у нас равнин.
Наши русские просторы
лучше всяческих картин.

Тут и реки и озёра,
и величие лесов,
кстати, есть на них и горы
для отпетых дураков.

Тьфу, ты пропасть эти горы,
сами просятся в блокнот.

Спать ложитесь. В эту пору
умный в горы не пойдёт.

* * *

Тебе сегодня восемнадцать лет
исполнилось, как будто по заказу,
и что-то в мире изменилось разом,
словно в гостиной выключили свет.

Тебе теперь не место на руках,
с сегодняшнего дня ты не ребёнок:
не будет больше маминых пелёнок
и глупых строчек в папиных стихах.

Тебя, увы! отнимут от груди,
переведут на мясо и пельмени,
твой день рожденья много переменит,
будто причёску за ночь бигуди.

А ты и рада всё начать с нуля,
шагать вперёд нехоженой дорогой,
без компаса, без указаний строгих,
без тормозов и даже без руля.

Ты сделала причёску не к лицу,
по-своему, так, как сама хотела,
по-модному и для деревни смело,
наперекор отсталому отцу.

Ты взрослая уже, хотя юна,
напасть готовы на тебя пороки.
А ты не бойся, ты ведь не одна,
с тобою рядом стариков уроки.

* * *

Налью вина, на стол наставлю снеди...
Всю жизнь кручусь, как белка в колесе.
Возьму, напьюсь, пусть говорят соседи,
что я такой, мол, как в деревне все.

Соседка утром скрипнет половицей,
в займы попросит спичек иль муки,
подскажет просто: «Надо похмелиться,
так делают все наши мужики».

Я знаю точно, надо выпить чарку,
и всё пройдёт, отляжет от души.
Твои слова, мать, лучше, чем подарки
иль как они добры и хороши.

Спасибо вам, хотя б на добром слове,
не каждый пожалеет и поймёт.
Не буду пить. Ведь я, в своей основе,
не конченный пока что идиот.

«Возьми, мать, спички, вот тебе мучица,
а с ними низкий до земли поклон.
Мне хорошо, мне незачем лечиться,
я жив-здоров, отважен и силён».

Соседка попрощается и скажет:
«Я слышала такое и не раз.
И наши мужики когда-то также
здоровы были, как вот ты сейчас».

* * *

Я – строитель, я строю
в Волгодонске дома.
Я считаюсь героем:
спину гну задарма.

Но за то точно знаю,
что меня с трёх сторон,
словно страж, охраняет
лучший в мире закон.

А ещё меня каска
бережёт, словно мать,
это вовсе не сказка.
Вы должны также знать,

что перчатки со стразами
неземной белизны

защищать от заразы
мои руки должны.

Мастера и прорабы,
и подобные им,
все трясутся, как бабы,
над здоровьем моим.

Слышу крики и маты:
«На работу бегом!»
Строю я без зарплаты
окаянный их дом.

А они: «Сколько можно,
всё гони и гони».
Охраняют надёжно
мои деньги они.

* * *

Жена нашла в шкафу бокал
на тоненькой на ножке.
Он был бездонным как Байкал
и толстым, как бульдожка.

В него бы стоило налить
вино, а лучше пиво,
чтобы с друзьями говорить
за жизнь велеречиво.

Да, жаль, бокал один стоит.
Найти бы его друга.
Разводит руки и молчит
дражайшая супруга.

А мне обидно потому,
что это не красиво
сидеть в тоске и одному
вино пить или пиво.

* * *

Есть много бед, и их едва ли
все до одной переживёшь.
Но нет ни горя, ни печали,
когда с любимой ты идёшь.

* * *

«Здравствуй, дорогой мой, милый дядя Ваня,
заходи, мы выпьем лучшего вина.
У меня сегодня Твиши, Гурджаани,
Цинандали, Мцвани – всё неси, жена».

«Здравствуй, дорогой наш, милый дядя Ваня,
заходи, но только нет у нас вина.
Твой племянник выпил Твиши, Гурджаани,
Цинандали, Мцвани – всё, увы, до дна».

«Не ругайтесь, милые, – молвит дядя Ваня, –
на шута нам это кислое вино,
ни к чему нам эти Твиши, Гурджаани,
Цинандали, Мцвани – барахло оно. –

Лучше выпьем водочки, – снова дядя Ваня, –
это наш отеческий самолучший брют,
ну, эти самые Твиши, Гурджаани,
Цинандали, Мцване пусть грузины пьют».

Кораллы

Сидят кораллы, не шумят,
не пакостят народу.
Они мильоны лет подряд
фильтруют воду.

Найти бы где такой коралл,
чтобы в меня вселился
и чтоб мне душу очищал,
коль сам не научился.

Кокос

На краю земли кокос
беззаботно рос и рос.
А как вырос, то кокосу
палкой стукнули по носу.

* * *

Не врите на иврите,
это не прилично,
на английском врите,
это всем привычно.

* * *

Трезвый ты, а может, пьяный —
это вовсе не беда.
Пейте люди валерьяну,
пейте много и всегда.

Пейте на ночь, утром рано,
пейте в полдник и обед.
Вас избавит валерьяна
от волнений и от бед.

* * *

Расскажу вам историю грустную,
ничего нет на свете грустнее.
Я купил себе как-то вкусную
пиццу пышную, как Дульсинея.

Я кричал, я катался от радости,
думал, съем её нынче на ужин.
Я не ждал ни подвоха, ни гадости,
только вышло значительно хуже.

Мне сказала жена: «Я соскучилась,
обзвонила друзей и больницы.
Где ты был? Без тебя я измучилась...
и нечаянно скушала пиццу».

Ну, жена, ты меня огорошила,
я не слышал признаний сквернее,
одевайся, иди по-хорошему
в магазин и купи Дульсинею.

А жена мне в ответ: «Дульсинеи
мне твои без нужды и без разницы,
если хочешь, тебя я согрею
и не хуже той самой развратницы».

* * *

*Читателям детской библиотеки
им. А. Грина. г. Волгодонска*

Не верит никто в чудеса:
у всякого страх свой и боль.
Но алые ждёт паруса
простая девчушка Ассоль.

Смеются над ней старики,
хохочет забитый народ,
но хохоту их вопреки
девчонка и верит и ждёт.

И вера, сильнее, чем волна,
разбила неверие в пыль,
и так превратила она
фантазии девочки в быль.

Под солнцем сверкающим в порт
корабль, рождённый мечтой,
вошёл, и невесту на борт
позвал капитан молодой.

С тех пор океан бороздят
миллионы чудных бригаantin.
У всех у них алый наряд,
у всех капитан у них Грин.

* * *

Мы сели с женой на диету –
таков современный посыл.
Забыли про борщ и котлеты,
и стейк нам не люб и не мил.

Убрали паштеты и сало,
запрятали масло с икрой.
Едим только каши помалу
и их запиваем водой.

И скинули мы килограммы
на зависть родным и друзьям.

* * *

Стихи писать — пора настала
И слов, и голоса достало,
Но не хватает лишь ума,
чтоб не писать, как все, дерьма.

* * *

Всё, что родится, то умрёт,
бессмертен лишь Прутков Козьма,
а если он когда и врёт,
то от величия ума.

Грибы

Сел под куст Боровичок,
похотливый старичок.
Он красавицу Беляну
щиpltет тайно за бочок.
А Беляна, как ни странно,
губы сжала и молчок.

Солнце смотрит на поляну,
ветерок шумит листвою.
Старичок сидят с Беляной,
укрываются травой.
А Беляна Дон-Жуана
называет «Дорогой».

Проворчал сердито Груздь:
«Я судить их не берусь,
я, сказать если по чести,
и в себе не разберусь.
А Беяна с дедом вместе
развлекаются... и пусть».

Строгий дядя Дождевик
слушать бредни не привык,
поглядел сам на Беяну,
видит: вправду с ней старик,
понял, всё тут без обмана
и, конечно, сразу в крик.

Взволновалась и Волнушка,
толстощёкая старушка:
«Это что за крик такой?
Ведь любовь вам не игрушка
и не может быть игрой».
«Ты сама-то потаскушка, —

крикнул гневно Мухомор, —
не молола б лучше вздор,
а сидела бы молчала,
как молчала до сих пор.
На себя смотри сначала,
мы-то помним твой позор».

«Был позор и нет позора,
не несите больше вздора –
кто-то крикнул из куста, –
за пустые разговоры
надо выслать Мухомора
в отдалённые места».

«Я и так от вас уеду
в понедельник или среду,
лишь куплю себе билет.
Никогда такого бреда
я не слышал от соседа,
моей мочи больше нет».

«Уезжай, да побыстрее
жить мы станем веселее, –
рыжик громко пропищал».
«Утро ночи мудренее,
я всегда уйти успею», –
мухомор в сердцах сказал.

Так и вышло. Утром рано
появились на поляне
паренёк да старичок.
«Глянь, грибы-то без изъяна
да к тому же без охраны,
сами лезут в кузовок».

По поляне пробежали,
в кузовок грибы собрали,
и закончился их спор.
И по случаю такому
никуда тогда из дома
не поехал мухомор.

* * *

Бога просил я о счастье.
Надо ж, оно случилось !
Только не в нашем краю.

* * *

Слёзы в её глазах,
словно искры в алмазах.
Дороги мне они.

* * *

Старая фотография
временем обесцвечена.
Я тоже седею.

* * *

Ветер в сад забежал,
листья сорвал с деревьев.
Годы мои улетели.

* * *

Солнце греть перестало,
мир занавесили тучи.
Что же закрыло меня?

* * *

Пухлые губы
в яркой помаде.
Кактус расцвёл.

* * *

Нега, покой, безмятежность.
Тикают тихо часы.
Годы проходят.

* * *

Скрипка запела.
Я оглянулся.
Ты улыбалась!

* * *

Волос обрезала,
стала моложе.
Время лежит на полу.

* * *

Бумага была письмом,
теперь это только пепел.
Щёки горят от стыда.

* * *

Гром ударил,
молния блеснула,
слезы полились.

* * *

И читать не хочу, и писать неохота,
На рыбалку бы мне, где вода и туман,
где наводит заря на весь мир позолоту,
где мошка над водой затевает канкан.

Мне бы сесть посидеть возле кромки
прохлады,
червяка запустить в недалёкий полёт.
Я б хотел помечтать, мне другого не надо,
рыба мне не нужна, пусть она не клюёт.

Я, признаюсь, рыбак вообще
никудышный,
поплавок это повод, а вовсе не страсть.
Я молюсь про себя. Богу, думаю, слышно,
как душа моя стонет, не даст ей пропасть.

А поймается ёрш, я его, дуралея,
отпущу и рукой помашу ему вслед.
Может, кто-то вот так и меня пожалеет
и отпустит грехи, даже если их нет.

* * *

По мере сил кропаем мы стишки.
Занятое это нынче в моде.
Да и зачем, скажите, рвать кишки
на стройке или на заводе.

* * *

Супчик был бы – красота!
А пока – не очень.
Не нашлось у нас листа
вкусного из Сочи.

Там, среди земных красот
под палящим зноем
благородный лавр растёт
(дерево такое).

Всяк, кто хочет, подходи,
рви листы и почки,
в суп горячий их клади,
не жалей листочки.

Вот такая благодать,
супчик объеденье,
надо только обобратить
южное растение.

Набери мешок иль два
оборви хоть рощу,
не болела б голова
у любимой тёщи.

Пусть она его кладёт
хоть в чугунок, хоть в ступу.
Благородный вкус даёт
он борщам, и супу.

Надо тещу поддержать:
«Молодец, старушка».
А в уме всегда держать:
«Что ты без лаврушки».

* * *

Не для почёта, не для славы
среди забытого села
непостижимо величаво
сирень взяла и расцвела.

И сразу стало так нарядно
И так светло, словно маяк
прогнал из жизни безотрадной
засевший в наших душах мрак.

* * *

Что-то гонит меня от версты до версты,
будто старые листья бесправные.
А вокруг ни души, лишь кресты да кресты
вдоль дороги стоят православные.

Помолитесь, друзья, за погибших людей,
за безвинно пропавшие души,
посочувствуйте тем, кто остался в беде,
кто мечты голубые разрушил.

Не жалейте слова, не скупитесь на них,
будьте к людям несчастным добрее.
Жизнь – дорога. Увы, зазевался на миг...
Может, кто-то и нас пожалеет.

* * *

Что ж, прощай навсегда, Кош-Агач,
покидаю твой каменный рай,
сосны, ели, могучий кедрач
тоже этот оставили край.

Здесь уже ничего не растёт,
только камень седой, словно лунь,
да, кривляясь, поёт во весь рот
диковатая с виду Катунь.

Только солнце одно по горам
вместе с овцами бродит тишком,
умывает лицо по утрам
белых рос колдовским молоком.

Да ещё с незапамятных лет
поселился здесь славный народ,
он надеялся – солнечный свет
к ним быстрее от бога дойдёт.

Не таи ни обиду, ни злость
Я ведь гость и по сути чужой.
Что ж, прощай, Кош-Агач, всякий гость,
погостив, должен ехать домой.

* * *

Знатоки говорили спесиво:
«То бездарно, а то некрасиво,

то бесценно, а это пустяк.
Ванька умный, а Васька дурак».

«Не спешите, – сказали другие, –
много дивного дива в России.

Годы мчатся на буйных ветрах».
Вот, Василий уже в знатоках.

А Иван – всей России надежда –
оказался болван и невежда.

Всё бесценное ценят вдвойне,
пустяки нынче тоже в цене,

А спасенье людей – красота
никому не нужна и за так.

* * *

На столе стоит коньяк
в затуманенном графине.
Рядом книжка «Пастернак»
под куском пахучей дыни.

За столом сидит поэт,
пьёт с оглядкою, по-птичьи:
хорошо на склоне лет
сознавать своё величье.

Хорошо, что он один,
места нет другим в застолье.
Кто над миром господин,
камень кто краеугольный?

Кто основа и венец
жизни всей и мироздания?
Ну, конечно же, певец
вздоха, взгляда и лобзания.

На стене висит пиджак,
а на нём блестят медали.
Это, братцы, не пустяк,
ни за что бы их не дали.

И за каждую медаль
пьёт поэт обычно стоя,
а напившись, плачет: «Жаль,
не купил Звезду Героя».

* * *

Много дорог по свету
вдоль ведут и поперёк,
кажется, вся планета
соткана из дорог.

Хочешь – иди на север,
хоть за полярный круг,
где зори цветут, как клевер,
и вяжутся кружева вьюг.

Можешь двигаться к югу,
дорога туда далека.
Там люди едят друг друга,
рвут горы в клочки облака.

А на востоке море,
и в нём свои чудеса:
там волны со скалами спорят,
съедает туман паруса.

На запад идти не надо,
там правит землёй сатана,
стреляют там БУГи и ГРАДы,
и значит идёт война.

Уж лучше остаться дома,
любить детей и жену
родных, друзей и знакомых,
болеть за свою страну.

Напрасно не бейте ноги,
дружите всегда с головой,
любите лишь те дороги,
что прямо ведут домой.

НЕЗАВЕРШЁННОЕ И НАБРОСКИ

* * *

Где дремучие леса
подпирают небеса,
где они из года в год
смотрят в зеркало болот,
там, как в сказке чудеса,
колдовской цветок растёт.

По Руси идёт молва,
что цветёт разрыв-трава
раз в году, в Иванов день,
и тогда, кому не лень,
могут поискать тот цвет,
в том греха большого нет.

А ещё в этих краях
нечисть дремлет на часах,
охраняет водяной
колдовской травы покой,
леший – хитроумный враг
всех обводит стороной.

Ну, а чтоб цветок найти,
надо полночью прийти

без молитвы, без креста
до Великого поста,
реку вброд чтоб перейти
у Калинова моста.

Покататься по росе,
позабыть молитвы все,
громко крикнуть: «Бога нет!»
и дожидаться, чтоб в ответ
зашумел тревожно лес,
как змея - ползучий бес...

.....
.....

* * *

Эх, судьба раскрутилась рулеткой,
шарик скачет под наше нытьё.
Может, жизнь обернётся конфеткой,
может, фантиком от неё.

Кто-то делает ставки на красное,
кто – на чёрное, всё – на кон!
Только, жаль, эти жесты напрасные
не потянут на миллион.

* * *

Стихи, стихи, кому-то шалость,
кому-то скука, чепуха.
А у меня в душе осталось
навек звучание стиха.

Пишу стихи и слышу, Музы
мне песни радостно поют:
так спеть не смог бы и Карузо,
так боги сладко не живут.

* * *

Без опросов и без референдумов
то ль по глупости, то ли со зла
замела вьюга снегом календулу
что одна беззаботно цвела.

И уснула она под сугробами
будем думать, что до весны

* * *

Ходит, бродит по дорогам
деревенским летний зной,
как по улицам убогий
нищий с грязною сумой.

* * *

Самый худенький кузнечик
навсегда лишился речи,
лишь поблизости увидел
ноги в виде двух колонн.
Но прошла спокойно птица,
лень ей было наклониться
.....слишком

Но ушла к болоту птица,
чтоб почиститься, помыться,
отдышаться от обеда...

...да поймать ещё лягушку,
накормить свою подружку,
что сидит не поднимаясь,
в камышах весь день в гнезде...

Но разбойник колченогий
пошагал своей дорогой,
у него сегодня что-то
никудышный аппетит.
Без желания он скушал
кроме жабы семь лягушек,
и сейчас он с неохотой
на кузнечиков глядит.

Байкал

Подъезжая к Байкалу, смотрели в окно
как на вновь нарождённое диво,
хоть и знали об этом в вагоне давно,
что священное море красиво,

что гуляет по морю седой Баргузин,
гонит он омулёвую бочку,
что к Байкалу текут сыновья, как один,
вытекает – беспутная дочка.

Нам бы выйти на берег, умыть бы лицо
помолиться, рассеять тревогу,
пообщаться с Байкалом, как с добрым
отцом,
перед трудной и дальней дорогой.

Только поезд промчал, и в купе разговор
мы вели про Байкал оживлённо.
Я его не забыл ни на миг и с тех пор
вспоминаю, как сон, упоённо.

Каждый день, каждый год, в каждой
точке земной,
днём и ночью, в любую погоду
помню встречу с далёкой и быстрой
звездой,
промелькнувшей по чёрному своду.

* * *

Бывает любовь на нежность,
моя же — на горе и зло.
Счастье, как ранний подснежник,
холодной пургой занесло.

Нет ни тепла ни света,
чтоб растопить снега...

* * *

Вроде сделано всё как надо:
дом построил, вырастил сад.
Только нету душе отрады,
да и телу нету усад.

И не ведаю, что за причина,
кто обидел, навёл печаль

* * *

Гремело всё и грохотало,
рвалось, как рвётся простыня,
когда-то грозный Кракатау
взорвался так средь бела дня.

Меня мотало и кидало,
я бился головой о быт,
уже порвалось одеяло,
пропал навеки аппетит.

* * *

«Давай, племянник, выпьем что ли, —
сказал мне как-то дядя Коля, —
без церемоний и застолий
на кухне тихо посидим,
поговорим о нашей доле,
о власти, водке и футболе
и на другие темы вволю
между собой поговорим».

«Ну, коль без глупости, а в меру
да за Надежду и за Веру,
да за российскую Венеру, —
в ответ я дяде говорю, —
неплохо выпить для премьеры
не самогона, не мадеры
и не другой какой холеры,
а водочки по стопарю»...

* * *

Я устал, я хотел отдохнуть,
Но зачем ты меня вновь тревожишь,
и зачем твоя белая грудь
в темноте на икону похожа,

заставляет глядеть на неё,
припадать к ней сухими губами...

* * *

Нас четверо. Четыре брата –
четыре ножки у стола.
Нас мать одна взяла когда-то
и друг за дружкой родила.

Да братья мы. И кровь, и гены
одни и те же, только всё ж,
мы все – явления Вселенной,
всяк только на себя похож.

Один хитрей, другой попроще
один сильней, другой слабак...

* * *

Как же тут не кричать, не охать,
если нет ничего за душой,
если всё нехорошее – плохо
и хорошее – нехорошо.

Как же тут не проклясть эпоху,
если я через тернии шёл.
И увидел: плохое – неплохо,
нехорошее же – хорошо...

* * *

Как хорошо в своей квартире:
тепло, уют и тишина.
Мне наплевать, что по Сибири
гуляет пьяная весна...

* * *

Лето где-то опять заблудилось,
не сумело дорогу сыскать,
то ли к поздней весне притулилось,
то ль решило с зимой зимовать.

А вообще-то для лета осень
самой лучшей подругой была б,
Пошалили б, ударились оземь
и создали б погоду для баб...

* * *

Напитаю меня надеждой, светлый день,
напои меня живительной водой,
ты таишь в себе бессмертье,
как жень-шень —
корень жизни из таёжной кладовой.

.....
.....

* * *

У вас наряды модные, сами вы красотки,
серёжки драгоценные в ушах,
а мы ушли из детства в шинелях и пилотках
да в кирзовых солдатских сапогах.

* * *

Ночь, как кофе темна. На крупницы
разбивают её фонари.
Что-то мне этой ночью не спится:
«Увези-ка, таксист, в «Снегири».

Но слова его жёстче, чем пули,
саданули по нервам моим:
«Слушай, друг, но у нас в Барнауле
нету места с названьем таким».

Боже мой, это что за напасти:
то ли болен, то ль пьяный я вдрызг,
то ли вдруг, устремившись за счастьем,
потерял свой Новосибирск...

* * *

Опять туман – цветение сирени,
щемящий душу аромат цветов,
все признаки извечного уменья
весной освобождаться от оков...

...Цветы увяли, жалких и убогих,
их треплет непрестанно на ветру...

Дыханье осени разит, как жало.
Сегодня на дворе не наша власть.
Сирень, как чья-то молодость, увяла,
засохла, как обузданная страсть...

...Мы тоже часто в поисках большого
страдаем от ненужных мелочей.

* * *

По Волгодонску гордо
идёт девчонка бодро,
почти совсем раздетая,
на шпильках каблуках.
Идёт она, а бедра
качаются, как ведра
на коромысле гнутом
в неопытных руках.

Глядят ей жадно в спину
мальчишки и мужчины.
Ну как не оглянуться
такая красота.
А девочка крутая,

сама об этом зная,
стучит всё каблучками
тра-та, та-та, та-та.

Девчонка неземная
не ходит, а летает,
и глазки её чёрные
стреляют метко в цель.
Девчонка молодая,
быть может, не святая,
а мне и дела нету
святая иль модель...

* * *

Расшумелся мужик, разбуянился,
словно снежной бурей зима:
«Я не лодырь, не вор, а что пьяница,
так не пью никогда задарма.

Всё построил своими руками я,
смастерил и подворье, и дом.
И жена никогда с синяками-то
не была за плохим мужиком.

Отродясь не ругался с соседями,
каждый встречный товарищ и брат,

не брался с одними медведями,
но и в этом не я виноват.

Сыновьям не давал подзатыльники,
обучал мастерству по уму

* * *

Сижу один, пью водку из стакана,
без братьев, без подруг и без друзей.
Степанов я, воистину Степанов,
да толку что в фамилии моей.

Давно уселись куры на насесте,
уже компьютер смежил синий глаз.
Гляжу на водку, словно на невесту,
как в самый первый иль в последний раз...

* * *

Что, скажи мне, тебя так встревожило,
почему ты всё время грустна,
почему по тропинке нехоженой
ты гуляешь весь вечер одна.

Может быть, на кого-то обиделась,
может, я что сказал невпопад,

иль печали приснились-привиделись
и теперь твою душу и томят?

* * *

Я б уехал с тобой в Бугульму,
научился бы жить средь татар.
Я растил бы цветы, как в Крыму,
торговать выходил на базар.

Там бы звали меня аксакал.
По ночам я читал бы Коран,
и, скорее всего, я бы стал
правовернейшим из мусульман.

Ты бы стала мне верной женой,
по утрам целовала меня:
просыпайся, мол, друг дорогой,
пусть Аллах охраняет тебя.

Жизнь могла быть прекрасней, чем сон,
чем заоблачная сторона,
если был бы в тебя я влюблён,
ну а ты бы в меня влюблена.

* * *

Я вновь ушёл, я растворился в думах,
пишу стихи, вью на клубок сюжет.

Должно быть я в пустыне Кара-Кумы,
коль ни души, ни тела рядом нет.

Ищу я рифмы в тёмных закоулках,
случается, их как-то нахожу

* * *

Дверь закрою на крючок
и молчок.
Ни кого не запущу на порог.
Здесь граница, бастион
и кордон.
Здесь себе я господин – царь Гвидон.

Пусть помечется родня
без меня,
пусть попробует сыскать без огня

* * *

Так всякий раз случается:
гляжу я на портрет,
а дочка улыбается
с портрета мне в ответ.

Портрет простой без рамочки
и не велик на вид,

но для отца и мамочки
он много говорит.

* * *

Может быть, кто-то когда-то
вспомнит меня мимоходом.
Где вы сегодня, ребята,
парни из нашего взвода?

Надо бы вместе собраться,
выпить вина по стакану.
Как замечательно, братцы,
песни кричать полупьяным.

Наперебой, без умолку
спорить торговкой базарной.
Помните, как в самоволку
бегали мы из казармы?

* * *

Меня не радует любовь,
не согревает творчество.
И из числа своих врагов
изъял я одиночество.

Как хорошо быть одному,
лежать весь день в постели

и жить, как надо самому,
без всякой канители.

А если в гости кто придёт,
проблему сам решаю,
привечу, если принесёт
пирожное он к чаю.

* * *

Вчера газеты многих стран
читателям сообщили,
что, мол, женился Дон Жуан
на девушке из Чили.

Ну, слава Богу, он причал
с чилийской «королевой»,
в конце концов, себе сыскал,
словно Адам у Евы.

Прошло совсем немного лет,
и мы уже забыли,
а были ль Дон Жуан иль нет
и девушка из Чили?

* * *

Горевала ты, горевала,
все, что делал я – всё не так.

И любви моей было мало
и зарплата суший пустяк.

И живу как-то я не умело,
дело делом не назовёшь.
Неудачник во всем до предела,
прозябающий, словно вошь.

* * *

И спать не хочется, хотя уж полночь,
а завтра снова куча разных дел.
Быть может, Бога нет иначе помощь
он мне послал бы, если б захотел...

* * *

Кому-то нравится малина,
кому-то рыба-осетёр.
А мне бы булку с ванилином
и ванилиновый ликёр.

Под пологом деревьев пьяных
в густых тропических лесах
растёт душистая лиана,
словно опара на дрожжах.

* * *

Жизнь, как пьяная баба, крутится,
и в неё мне уже не верится.

Ох, боюсь, что ничто не слюбится
и ничто, я боюсь, не стерпится...

* * *

Я вновь ушёл, я растворился в думах,
пишу стихи, вью на клубок сюжет.
Должно быть, я в пустыне Каракумы,
коль никого со мною рядом нет.
Ищу я рифмы в тёмных закоулках,
вытаскиваю их на белый свет.
Идти пустыней – это не прогулка,
работать здесь – не праздничный банкет.

* * *

Уж спать, наверно, в пору,
но я – плохой пример.
Сижу один и Флору
читаю СССР.

Про клёны и про стланик,
про донник с репешком,
хоть я и не ботаник
хоть я не агроном.

По-волчьи воет вьюга,
и сыплет снег с небес.

А я как будто с другом
иду в цветущий лес.

* * *

Путь сквозь тернии так долог,
труден, страшен он и вот,
на чужой земле посёлок,
в нем чужой народ живёт.

То ли люди, то ли звери,
разбери, поди, чужих.
Нам они ничуть не верят,
ну, а мы боимся их.

* * *

Хиреем да мельчаем,
тощем, как клопы,
когда нас обучают
пузатые попы.

Перед постом старухи
спросили мудрецов:
«Каким постом нам брюхи
нажить как у попов?»

У мудрецов, известно,
на всё готов ответ:

«Молитесь, ведь рецептов
других в природе нет».

* * *

Сказал мудрец: «О прошлом не жалею,
всё, что свершилось – не пойдёт иначе».
Я слушаюсь всегда тех, кто умней,
и не жалею потому что плачу.
Как дурачок я безутешно плачу,

* * *

Сжимаю горло, чтобы не петь,
ломаю пальцы, чтоб не писали,
уснуть-умереть, уснуть-умереть...
Едва-ли

* * *

Города, совсем как люди,
с нестареющей душой

* * *

Не стареют наши города,
хоть, порой, справляют юбилеи.
Как людей, прошедшие года
делают их краше и мудрее

Вырастают новые дома,
отменяя старые проекты,
сложные движения ума
превращают улицы в проспекты.

Пристально глядят на суету
строгие, как судьи, светофоры,
днём и ночью светят на посту,
как маяк, для плавающих в море.

Города в отличие от людей,
старая делаются красивее

* * *

Земля, как губы твои, юна,
трава причёской твоей кудрявится,
всё потому, что пришла весна
сибирская наша красавица.

Она такая же точно как ты,
всегда в заботах, всегда в стремлении.
Скажите, зачем вам нужны цветы,
неужто лишь как украшение?

* * *

Не в Польше, не в Иране,
а в городе Кургане

однажды разразился
неслыханный скандал.
По радиовещанию
с особенным старанием
мужской гнусавый голос
отчаянно кричал:

«Внимание, в Кургане
замечены цыгане,
они воруют деньги
и маленьких детей.
Любезные граждане,
спасибо за внимание
и берегите счастье
своих больших семей».

И начались в Кургане
рыдания и стенания,
попрятали все деньги,
а маленьких детей
отдали старым няням,
чтоб прятали их в банях,
подвалах и под крышей
курганских гаражей.

Пятнадцать дней в Кургане
искали тех цыганей,

нашли два армянина
и несколько татар.
С особенным старанием
проверили компании,
побили для порядка
всех, кто не очень стар.

Недели две в Кургане
возили с поля брани
то трупы, то побитых
несчастных алкашей,
набрали всякой дряни,
но не нашли цыганей,
нигде их не видали,
ну, хоть ты их убей.

Так в городе Кургане
на сотне совещаний
начальство разработало
солидный артикул,
мол, городской охране
всё обсудить заранее,
чтоб люди не ломали
ни рук, ни ног, ни скул.

Кроме того, в Кургане
на гортелеэкране
рассказывать до ночи

про местный катаклизм.
У нас, мол, не в Украине
и даже на окраине
любимого Кургана
не расцветёт фашизм.

И никогда в Кургане
на местном на майдане
не будем жечь покрышки...

* * *

Жила-была принцесса,
умна не по годам.
Однажды три балбеса
сказали ей: «Мадам,

вы сказочно красивы,
вы царственно умны,
мы без альтернативы
в вас сильно влюблены».

Она давай смеяться,
но всё ж дала ответ:
«Повесить их за шеи,
альтернативы нет».

Мораль тут очевидна
и ясен политес,
коль ты балбес и быдло,
не возжелай принцесс.

* * *

Вот и осень пришла настоящая
с холодами и горьким дождём.
Сразу видно, бабёнка гулящая,
мы сегодня на славу гульнём.
Всех напоим волшебною влагой
и разденем весь лес до гола
угостимся забористой брагой
пусть сверх меры, была, не была.

* * *

Писать иль нет? Задумайся немного.
Ну что стихи? Пустяк и ерунда.
Смотри опять стоит возле порога,
как и вчера, незваная беда.

* * *

С неба капнули слёзы
прямо в душу мою.
Как седые берёзы
на ветру я стою.

Он и стонет и воет
бьёт жестоко, как тать
тучи рвёт надо мною,
но я должен стоять.

И рыдаю и вою
над своею судьбой.
Умываюсь слезою,
как кипящей водой.

Ох, берёзы родные,
как завидую вам.

* * *

Обидеться, лицом в подушку
упасть, смеяться и рыдать,
и жизнь свою, как безделушку,
бесплатно нищим предлагать.

Трагично, как актёр со сцены,
сказать, не чувствуя вины:
«Берите жизнь, она бесценна,
поскольку вовсе без цены».

Проплачусь, и пойму под утро,
что жизнь работа – не игра,
что надо быть и в горе мудрым
и жить по-новому пора.

* * *

Любви взаимной только «Браво»,
а невзаимной срам и стыд.
Вот, например, люблю я славу,
она же «нет» мне говорит.

Я для неё взращу лилею,
куплю сто тысяч орхидей,
души кусок не пожалею,
продам и близких и друзей,

совру, убью и даже глазом
не поведу и не моргну.
Для славы полюблю заразу
и стану кланяться дерьму.

.....

О, чёрт возьми, ведь это слава,
она моя, она моя!

* * *

Солнце лимоном всходило,
брызгая соком в глаза.
Нет, дорогое светило,
так баловаться нельзя.

Надо бы поосторожней
утром с кровати вставать.

Конечно, дурачиться можно,
но надо и меру знать.

* * *

Мы волгодонцы
живём красиво.
Налево – пиво,
направо – пиво.
Спасибо мэру.
Мой друг счастливый,
он пьёт от пуза
живое пиво.

Работы нету,
бомонд блудливый,
зато есть пиво,
живое пиво.

И депутаты
от счастья кривы.
Их кормит пиво,
живое пиво.

Какое счастье –
живое пиво.
Друзья и братья,
а мы-то живы?

* * *

Она в костюме стильном
цвета беж
попасть мечтает сильно
за рубеж.

Она пойти готова
хоть пешком.
Да муж зажался снова,
скопидом.

Деньжищ у мужа куча,
просто страх.
Недаром же он лучший
олигарх.

* * *

Небо синее, как море,
чище, чем слеза...

как твои глаза...

* * *

Жизнь – есть движение вперёд,
то знают стар и млад.

Но если кто идёт назад,
тот, значит, не живёт.

* * *

Что такое сущность бытия?
Для тебя, возможно, это я,
Для меня, конечно, это ты...

* * *

Валя сделала причёску:
Не нужна теперь расчёска!
Сам ей волосы я глажу,
делаю их глаже, глаже,
а чем глажу чаще,
тем мне слаще, слаще.

* * *

Я и спорить-то не спорю
и ругаться не хочу,
я и в радости и в горе
всё молчу, молчу, молчу.

* * *

Я там любил и был любим,
а нынче все меня забыли.
Чем дальше мой родной Чулым,
тем ближе я к своей могиле.

Я не жалею ни о чём,
мне хорошо на новом месте.
Но не забуду я о том,
что были мы когда-то вместе.

Сом и дом

это
дом
живёт в
нём
сом
бобылём
питается он
чем бог пошлёт
найдёт молоко молоко пьёт
приснился сому сон
будто он спозаранку
всю слизал сметанку
съел пирог и котлету
кто-то сказал на это
громко ему обормот
никакой ты не сом ты кот

* * *

Меня сегодня ангел посетил,
он был красивый, маленький и милый,

он был пока совсем ещё без крыл,
но обладал незаурядной силой.

* * *

Под землёй во тьме лежит
посреди вселенной
зелень-камень малахит
кладёзь драгоценный.

* * *

Люблю тебя одну
Такую-растакую.
Я кудри твои мну
И жарко грудь целую.

Ты гонишь меня прочь,
Знать, я тебе не любый,
Но вот приходит ночь,
Ты ловишь мои губы.

* * *

Если вы себе на грудь
Звёзд не нахватили,
Пейте, чтоб развеять грусть,
Аква Минерале.

* * *

Съели мальчики хот-доги,
Отравились и увы!
Протянули ночью ноги
И лишились головы.

* * *

Не сказка всё это, не сон,
который когда-то кому-то приснился.
У речек известных сынок Волго-Дон
родился.

* * *

Манит, манит к себе не Маня
Манит, манит к себе Мане.
Он никогда никого не обманет
Красками на полотне.

Кисть по холсту, как смычок, отплясала

* * *

Шагаю левой я ногой,
хотя уже давно нагой.

Решил шагнуть и правой –

опять во всём не правый,

двумя ногами вместе,
топчусь дурак, на месте.

* * *

Я сказал своей старухе:
«Перестань ругать меня.
Всюду ложь одна да слухи,
может быть, и я не я.

* * *

И зачем, скажите, нам эти референдумы,
если в мире нашенском выше крыши зла.
Вьюга засыпает глупую календулу,
что одна восторженно до сих пор цвела.

И никто не спросит эти силы злые,
почему не нравится этот дивный цвет.
Ну, причём здесь злобные дикие стихии

* * *

Крушение. Шлюпки. Как прежде
волною грозит океан.
Кивнув на прощанье надежде,
последним сошёл капитан.

* * *

Ах, милый Серж, я так скучала
на этих водах. Взаперти
сидела, даже не гуляла,
как вспомню – вздрогну. Ах, прости!

* * *

Я думаю, уже пустые разговоры
про слёзы и печаль не стоит заводить

* * *

Спаси, Господь, мою страну,
а не спасёшь, сниму иконы.
Нет, я тебя не прокляну,
но перестану бить поклоны.

* * *

Покоя нет. Он и не снится:
с души забот не отряхнуть.
И только ты в ночи жар-птицей
мне освещаешь трудный путь.

* * *

1

Не греет солнце и не светит,
повсюду сумрак, холод, страх.

От человека на планете
остался прах.

2

Не греет солнце и не светит.
Презрев такую ерунду,
потомки наши на планете
зажгли сверхновую звезду.

* * *

А вот и Греция,
Здесь смог согреться я.

* * *

Я долго молчал, был хмурым, как зубры.
Теперь же кричу во всё горло да так,
Что с криком летят даже зубы

* * *

Мне врачи сказали: «Надо
Раза два в неделю кушать
Аллигаторову грушу –
по-другому – авокадо.

* * *

Флаги над крышами реют,
видно, что праздник грядёт.

В доме у бабушки зреет
Брага слаще, чем мёд.

Радостно глазу от флага,
вьётся и пляшет, как змей.
А в доме в то время брага
пенится всё сильнее.

Жить бы вот так до гроба:
В праздники флаг поднимать.
Утром, проснувшись, пробу
С браги игристой снимать.

* * *

Гоняют шайбу во дворе?
– Да кто ж в неё играет.
Обычно люди в январе
Спиртное распивают.

А, может, режутся в футбол,
Бьют в хвост его и в гриву?
– Ну что ты, старый, замолол,
Ведь летом пьётся пиво.

* * *

оказия
зато красив и смел полёт
его фантазии.

* * *

Бог наградил соловья:
голос ему сладкий дал.
Музыку же и слова
долго придумывал я.
всё же я их написал.
Тем и прославился я.

* * *

Я брожу целый день по околкам,
собираю в корзину опята,
за спиной примостилась двустволка,
но меня не пугайтесь, зверята.

* * *

Если б было царство у меня,
я отдал бы половину за коня...

* * *

Вы, люди, – гнусные вампиры,
я не могу молчать о том.

Вы пьёте кровь мою всем миром
кто по стакану, кто ковшом.

* * *

Ночь, как вино по жилам,
улицей растеклась,
чёрным крылом накрыла
светлую ипостась.

* * *

В дамские туалеты
нет кавалерам хода.
В штаны, вроде, все одеты,
но разная всё ж природа.

Имбирь

Я наелся имбиря
и на пол упал, оря,
Думал, может,
он поможет,
но выходит, ел зазря.

* * *

А в округе вонь машин
да пьяные сволочи.
Я один, всегда один
от утра до полночи.

* * *

Отняла жизнь последние силы,
обнищанье в Россию идёт.
Мне на яхту денег не хватило,
так пришлось покупать самолёт.

* * *

«Наша Таня громко плачет,
уронила в речку мячик...»
Автор – Агния Барто!
Кто напишет так? Никто!

* * *

Много грустных и страшных историй
открывается каждой весной.
Вот и снег, почерневший от горя,
разрыдался холодной водой.

* * *

Вспять даже речка не течёт

живой, скорей всего, умрёт,
а камень вряд ли птицей станет

Ящерица

Я спешу, как на пожар,
я зверёк удаленький.

Я наверно динозавр
только очень маленький.

Акула

У акулы нет пощады,
каждый зуб стремится в бой.

* * *

Не было б коней,
не было б России

* * *

Лозунги – тоже жизнь,
каждому свой черёд:
в юности – «Время – вперёд!»,
в старости – «Остановись!».

* * *

Что хочешь делай, выйдет пшик,
уйдёт всё в прошлое, бывшее.
А время – славный гробовщик
всё новое зарост.

* * *

Забыли собрать облепиху.
Она на ветвях, словно встарь
на шее дебёлой купчихи,
уселась как ясный янтарь

* * *

Забыли собрать облепиху.
Она на ветвях, как и встарь,
уселась надёжно и тихо,
совсем как на шее янтарь.

* * *

Завяла роза у окна
от горя и позора.
Упала лучше бы она
на лапу псу Азору.

* * *

Вечерние страсти, как сырость ночная,
к утру испарятся и облаком серым
помчатся к чужому далёкому краю

* * *

Господи, дай силы,
путь пройти земной,
а ещё помилуй
тех, кто не со мной.

* * *

Иду с клюкой незнамою дорогой
с рожденья слеп, как под землёю крот

* * *

Мы думали, всё это шутки
что всё это не про нас:
наркотики, проститутки,
пули, бомбы, фугас.

Надеялись, что минует
чаша сия народ.
К несчастью, как бражную,
он её жадно пьёт.

* * *

Никто не помнит своего начала,
никто не знает своего конца.
Когда-то мать меня в крови рожала
благословляя отца

* * *

Родина наша не там и не тут
и не в России, и ни за границей.
Родина там, где любят и ждут,
где может хоть кто-то за нас помолиться.

* * *

Писать о любви без неё
нелепо, бездарно и глупо.

Гляжу на бумагу и тупо,
своё ворошу бытиё.

Нет, я не жалел пустяков,
и женщины были не плохи,
признания были и вздохи,
но не было только стихов.

* * *

Привет, учёная машина,
я рад пройти и в этот раз
через болота и трясины
твоих замысловатых фраз.

Ты, словно джин из старой сказки,
предупредителен со мной,
я жду всегда твои подсказки,
как люди дождик в летний зной.

* * *

Такая жизнь вокруг противная,
такая былъ везде поганая,
летят года, как реактивные,
сметая всё, как ураганами.

Нет в мире ни тепла, ни радости,
всё затянуло мглой и стужею,

зима нам шепчет в уши гадости
и в лица кашляет натужено.

* * *

У нас это часто бывает:
она лишь едва за порог,
а я уже горько скучаю,
как новый блокнот мой без строк.

Я знаю, она недалёко,
что явится, может, вот-вот...
И всё же не пишутся строки
в скучающий чистый блокнот.

* * *

Я на лодке плаваю по реке, как улицей,
а вокруг всё замерло, ни души.
Лишь кувшинки белые на воде красуются
да о чём-то шепчутся камыши.

* * *

Я уйду куда-нибудь подальше,
может в лес, а может быть, и в поле.
Буду там кручиниться, как мальчик,
от обиды больше, чем от боли.

* * *

Сколько будет дважды два?
Дважды два? Не знаю,
что-то нынче голова
плохо соображает.

* * *

В вечность, как в зеркало, смотрит душа,
многое, видя, но не понимая

* * *

Пройдёт всего полгода
утихнет твоя боль.
А матушка-природа
сыграет свою роль.

* * *

Давай, родная, выпьем по сто грамм,
по двести, может быть сейчас, не надо
Давай-ка вспомним наших пап и мам,
они, уверен, были бы нам рады.

* * *

Было время, когда солнце,
а по-нашему Ярило,
как девица, у оконца
дни и ночи проводило.

Кто идёт, кто мимо мчится,
проводит всех их взглядом:
человек то или птица —
всем душой и сердцем радо.

* * *

Розы маленьким пожаром
разметались на окне.
Это, видимо, подарок
от тебя за что-то мне.

Вот, спасибо, удивила
и растрогала до слёз.
Может, ты меня простила
за грехи букетом роз.

* * *

Как пережить такой позор,
и не погибнуть раньше срока?!
Меня позвал лукавый взор,
а я не смог понять намёка.

* * *

Предлагает она из всех сил:
покупай, я не много возьму.
Нет, цыганка, тебя б я купил,
а халат мне совсем ни к чему.

* * *

За поцелуи и за ласки
шлю песнопенья небесам,
а за бессовестные глазки
я душу дьяволу продам.

* * *

Ты не думай о ней худого:
да красива она и смела,
но тебя она, честное слово,
на глазах у деревни ждала.

* * *

И опять кровожадная ночь
потянула с меня одеяло.
Нет бы горю хоть чем-то помочь

* * *

Нынче ночь пропала даром,
на одной строки

* * *

Наблюдала с Колей я,
как летает сколия.
Думала доколе я
буду видеть сколию.

* * *

Все люди разные,
но одинаково заразные.

* * *

Однажды лилипуты
надели Лиле путы.
А путы лилипутные,
как и они беспутные.

* * *

Я вам твердо обещаю,
не оставить вас без чаю.

* * *

Водка с запахом, но сок
пахнет хуже, чем носок.

* * *

Вновь просыпалось ненастье
то ли снегом, то ль дождём.
Было счастье – нету счастья...
Что ж, без счастья проживём.

* * *

Меня просили о любви
писать стихотворенья.
Я попытался, но, увы,
не вышло, к сожаленью.

Приходят в голову стихи
о Родине, о мае,
и как в деревне петухи
по улицам гуляют.

И для чего и почему
бьюсь словно в клетке птица.
Не проще взять и самому
в кого-нибудь влюбиться?

* * *

Убедиться, что там можно
веселиться, как и здесь,
беззастенчиво, безбожно

* * *

Васька около ворот
потерял коловорот.
Ну, а я ему в отместку
потерял свою стамеску.

* * *

Одни гоняли басурман,
другие хлеб растили...

...Течёт как прежде Старый Дон,
но только нет тут воли...

* * *

Что-то Дон разбушевался,
брызжет тёмною волной.
А казак чтой-т разгулялся
то с одной, а то с другой.

У него усы густые
да с лампасами штаны.
Он гуляет по России
от детей и от жены.

* * *

Здесь и уют и чистота,
а что на ужин? Ни черта.

* * *

Я не болен и не пьян,
с детства без психоза.
Я, как Ги де Мопассан,
сочиняю прозу.

Прочитал жене рассказ —
та была в экстазе:
«Боже милый, ты зараз
гений в каждой фразе».

Правда, тот рассказ не мой
(не люблю обмана).
Я читал жене родной
Ги де Мопассана.

* * *

Ещё пичуги не кричат,
ещё темно во всей округе,
и только дворники не спят
да запоздавшие пьянчуги.

* * *

Мы с тобой повстречались.
«Здравствуй», «Здравствуй, мой друг».
Помолчав, постояли,
посмотрели вокруг.

«Помнишь, нет ли?» — спросила.
«Нет, забылось давно.
Все, что ты загубила,
возродить мудрено».

* * *

Тонут деревья в дожде.
К чёрту заботу, работу.
Солнце весь день в парандже.
Скучная нынче суббота.

* * *

Шрамы украшают мужиков.
Квазимодо, прослыхав об этом,
морду раскроил себе стилетом,
стал к тому ж дурак из дураков.

В больнице

Молитесь, люди, Богу,
чтобы помог вам Бог.
здесь тоже вам помогут
облегчить кошелёк.

* * *

И рухнул город Вавилон –
библейская блудница,
и новый город возведён
небесною царицей.

Он засверкал и заблистал
неугасимым светом

он под крыло своё призвал
всех ангелом согретых.

Пройди всю землю – не найдёшь
другого Новеграда,
который был бы так хорош,
в котором жизнь – награда.

* * *

Сонной ночью шестокрыл
пролетел гремучей птицей.
Это значит, будут сниться,
те, которых я забыл.

Ну, а коли сладко спится
и не беспокоят сны,
это значит, помолиться
о забытых вы должны.

* * *

Собрались в одной берлоге
медведи и бандерлоги.
Но не знает даже Бог:
кто медведь, кто бандерлог.

Не судите, люди. строго,
каждый вправе захотеть,

оставаясь бандерлогом
жить в довольстве, как медведь,

* * *

Без ноги хоть «Марсельезу»
пой и прыгать не моги.
Тяжело жить без ноги,
тяжелее — без протеза.

* * *

Поглядела: ё-моё,
жаль, что стала старой.
Нынче женское бельё
отдают задаром.

Всё красиво, по уму,
вот ведь жизнь настала.
Раньше денег не хватало,
а теперь уж ни к чему.

* * *

Туши
огни
души.
Гони

беду.
Бей
злей.
В аду

сгорим
в дым.
А зла
мгла

цветной
звон
клюкой
вон,

чтоб
пулю
в лоб,
дулю

в нос.
SOS!

* * *

Вяз вёз воз,
Нас нёс нос,

Мал мел мыл,
бал бел был.

Лапа лупы – липа,
папа Пупы – пипа
совы Савы сивы
Вовы вавы вивы.

Гид – гад год,
кит – кат кот.
Фен – фон-фан,
тен – тон тан.

Руб – ряб раб,
Зоб. Зуб зяб.
Сын сон сан

* * *

За валюту быют по «кринке»,
рвут зубами, режут, жгут.
А у нас с утра на рынке
бабки зелень продают.

* * *

Было время, поэтов поганили,
как хотели с бесстыжими харями

подлецы – товарищи Сталины
и такие ж товарищ Бухарины.
Пролетели года, и что же
изменилось с тех пор в республике.
Как и прежде, бесстыжие рожи
охмуряют неумную публику.

* * *

Присел паук на паутине,
добычи хочется скотине.
Вот задрожала паутинка.
Паук туда, паук сюда.
А там холодная вода,
верней сказать, одна дождинка.

* * *

Зачем ты лишила покоя меня,
играешь со мной, словно мячиком,
зачем же я следом, судьбину кляня,
бегу лишь поманишь ты пальчиком.

* * *

1.
То, что любим, то и рушим:
топорами в две руки.
И рыдают наши души,
как в предзимье мотыльки.

2.

Мы убили равнодушие.
Я с тобой и ты со мной.
И летают наши души,
словно бабочки весной.

3.

Хорошо друг друга слушать,
жить без горя и тоски,
чтоб порхали наши души,
словно летом мотыльки.

* * *

Интересная всё же штука –
сказки полные всяких чудес.
Но когда в них приходит наука,
всё на землю нисходит с небес.

Нет Дюймовочек, нет Буратино,
нет волшебников и колдунов,
только формулы да машины
остаются для нас, дураков.
ничего нет желаннее сказки
даже, если в ней правды нет.

* * *

Люди едут за границу
отдохнуть и для того,

чтоб немного подлечиться
от того и от сего.

От любой избавят хвори
без мучений и вреда
светло-мраморное море,
ультрамёртвая вода.

Не желей одно – доллары,
деньги зло, а не добро.
Вам за то заморским паром
пропитают всё нутро.

Посидите на диете,
полежите на песке,
и поймёте, что на свете
всё дурак на дураке.

Потому что за монеты
можно здесь устроить рай:
посадить вас на диету,
привезти заморский край.

Проложить канал и вскоре
устремятся к вам сюда
светло-мраморное море,
ультра мёртвая вода.

И совсем уже задаром
на песочке у реки
вам прожарят русским паром
ваши жирные кишки.

Пораскинь мозгами шире,
если будешь жив-здоров.
Сколько мучается в мире
вот таких же дураков.

* * *

Спасибо, доктор, вы меня спасли,
отрезали ненужную часть тела.
Когда-то от неё жена моя балдела,
теперь осталось вырезать рубли.

* * *

Приехали участники,
скупил всё у частников.
Теперь у этих частников
все деньги от участников.

* * *

Плохо тому, кто не любил,
хуже тому, кого не любили.
Первому: а для чего же ты жил?
Второму: да как же вы жили?

* * *

Когда печать подорожала,
и наш читающий народ
газетой задницы не трёт,
то и читающих не стало.

* * *

Друг у друга прощенья попросим,
хоть обиды ещё велики.
Но пришедшая ранняя осень
уравняла с большим пустяки.

* * *

Я иду в неглаженной сорочке
в стоптанных и грязных башмаках.
Я – поэт, живу «ни дня без строчки»
только толку нет в моих стихах.

* * *

Мои слова для людей не законы,
многие из них мне самому не знакомы.
Бывает, выскочат из меня ненароком,
а позже возвращаются чёрным роком.

* * *

Утаить нам не дано
от людей секрет:

сердце вправду влюблено
иль любви в нём нет.

* * *

Все добывается потом и кровью:
надо сто раз пропотеть,
сто раз разбиться, сто раз умереть,
чтобы в итоге набраться здоровья.

* * *

Нередко жизнь, нам данную с небес,
по пустякам мы тратим то и дело.
Лишь цель большая лучше, чем
компресс,
и душу укрепит, и тело.

* * *

Любой мужик наверное, пристроить
для птиц кормушку сможет за окном,
но ежедневно сыпать в неё корм
доступно лишь великому герою.

* * *

Мне от тебя не скрыться
и в горы не уйти,

тебе, как говорится,
меня легко найти.

* * *

Я в молодости был художником,
наверно,
смотрел на облака и в мыслях рисовал,
как Пикассо неточно и неверно
твой милый и застенчивый овал.

* * *

Расцвёл сверхранний абрикос,
хотя на улице прохладно,
и смотрит издали мороз,
угрозы шлёт нам. Ну, и ладно.

* * *

Пили дружно «Изабеллу»,
заболели хором:
кто поносом, кто запором,
кто горячкой белой.

* * *

Синею расчёскою
вожу отсель досель.

Я хотя и с соскою,
но уже модель.

* * *

Может быть, мне и не гоже
так о князе говорить.
Но тогда он был моложе,
а за то нельзя винить.

Он тогда любил охоту,
бить гусей да лебедей
и с не меньшею охотой
пить среди богатырей.

Как-то в летний день погожий
князь затеял пир честной.
Все кто может и не может
собрались. И пир горой

тут пошёл на славу князю,
детям и его жене.
Водки было тут, как грязи,
гости плавали в вине.

* * *

Ну как, скажите, жить иначе
без пива, водки и без чачи,

без дружбы, нежности, любви?
Так ведь нельзя! Но се-ля-ви...

* * *

Жёлтой краски мазки,
в центре белая точка.
Сверху гудит и гудит,
брызгая мёдом пчела.

* * *

..... время.
Ты, как пролетающий поезд,
который мы задержать не в силах.
Но чтобы скрыть бессилье своё,
мы, улыбаясь умильно,
считаем, считаем вагоны.

* * *

А завтра я уж буду старше
на целый год, на целый год.
Ну, а пока, ну, а пока что
я задыхаюсь, как бульдог,
который в поте, в мыле, в пене,
рычит на звёзды, ерепнясь,
и лает, лает, снова лает.
Я тоже, как собака злая,
рычу на звёзды человеков,

на признанных авторитетов.
А может, я сегодня, может быть,
изобрету перпетум мобиле.
А, может, вместе с лучшим другом
докажем квадратуру круга.
А завтра я уж буду старше,
ну а пока, ну, а пока что....
....когда встречаемся,
когда прощаемся,
когда один сижу за чаем я,
пусть удивляются, пусть возмущаются,
ведь дерзость юности прощается.

* * *

...там на золоте священном
умер с голоду Панеп.

* * *

Объясняю, душа моя вроде бы
не оркестр, а просто струна,
на которой играют мелодии
то поэзия, то весна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Последние стихотворения	5
Я – ангел хранитель...	5
Посыпал изумрудный дождь...	6
Мирно дремлют горы...	6
У подножья гор высоких...	6
Сейчас, наверно, лягу...	8
У неё не глаза – глазища...	9
Ветер, ветер, снова с юга...	9
Вот и розы уже отцвели...	10
Старый дед с вечерней дури...	10
Из Омара Хайяма	10
Преступно нерождённые...	13
Кто в этот мир пришёл...	15
Скоро лето, скоро лето...	15
Вся наша жизнь давно пошла вразнос...	16
Я опять гуляю в поле...	16
У меня на сердце осень...	17
Голуби под крышей ворковали...	18
Сегодня снова были музы...	19
Сижу на лавочке, уже совсем темно...	19
Сижу и думаю о том и об этом...	20
Ты купила красивый наряд...	21
В заколдованном лесу...	22
Говорите только о любви...	23
У поэта есть прекрасный повод...	24
Стрелец	25
Что наша жизнь? Рутинка...	27
Листья на деревьях пожелтели...	27

Ветер воет словно зверь...	27
Умру я, ты же не жалея об этом...	29
Не торопись вождём стать на века...	29
Во всю ночь до зари...	29
Я вижу гор высоких груды...	30
Холодный день и вечер тёмно-рыжий...	31
Где-то в море-океане...	31
Скосив глаза, поправила чулок...	32
Убил охотник журавля...	33
Почему меня не спросишь...	34
Любите землю, господа...	35
Расплела берёзка косы...	35
Анемоны	36
Когда страдающее утро...	37
Поэма про овец	39
Кто сказал, что я в печали...	43
Отойдите прочь, напасти...	43
Всё по правилам, как полагается...	44
Пышногрудая, сладкая сдоба...	44
Бедняк женой своей богат...	44
Мой милый - глупый и смешной...	44
У Ивана Иванова...	45
Квартет	45
Дело Скрипаля	46
Сказки и стихи для детей	49
Сказка о розах	49
Дед Мороз	56
Как лиса летать училась	60
Волк, коза и семеро козлят	62
Небо упало	66

Как рассорились друзья	72
Победа	76
Светофор	80
Стрекоза	80
Свинья	81
Расстарался Мишка...	82
Мы играем в салки...	82
Лев	83
Носорог	83
Жираф	83
Слон	84
Страус	84
Трясогузка	84
Не публиковавшиеся стихи	85
Я скажу вам строго между нами...	85
Ты помнишь, Россия, погони и драки...	86
Сахаров	88
Пожар	88
Приболел я в воскресенье...	89
Пересохнуть может Волга...	90
Космос	91
Не горюй, пусть у нас ты не встретила...	92
Путник милый, теплее пимы...	92
Будешь есть?..	92
Не марш Мендельсона...	92
Я в деревне в гостях...	94
Однажды как-то спяну...	95
Юных не расстраивает смерть...	95
На машине едет Маша...	96
Люблю берёзовые косы...	97

Бабушка тихонько говорила...	97
Ты говорила, что мужчины грубы...	98
Я родился и вырос в Сибири...	98
Настанут дни, как Феникс-птица...	98
Ты в белом платье белее лилии...	90
Комар-сирена на окошке...	99
Разжигайте жгучие...	100
Так называемым писателям	100
Поздней ночью Митя-вор...	101
Живу на свете я немало лет...	101
Петербург	102
Спасенье	102
Я беден, а вернее, нищ...	104
По дороге все грязь да ухабы...	104
Все погибает: дух и плоть...	104
Голубая мечта	105
Казалось бы, ушла беда...	105
Как я рад, о, как я рад	107
Как превосходно умереть во сне...	108
Без тебя, моя родная...	109
Пейте, люди...	109
Я не открыл секретов...	110
Он чувствительный и сексуальный...	111
Ну что мы всё плетёмся в арьергарде...	111
Скорей всего, с тобой друг другу...	112
Сейчас не время разбираться...	112
По какому поводу...	113
Вечная грязь, темнота...	114
Бабушка, бабушка, как родятся дети?..	114
Не вечер, а сплошной кошмар...	115

Млечный Путь...	115
В раю, наверно, красота...	115
Погляди вокруг – повсюду...	116
Причём здесь тоска и обида...	119
Я, может быть, и вправду не поэт...	120
На конце огорода за баней...	121
Я человек – венец природы...	123
Песня рыбаков	124
Ну, что же ты, Вовка, так рано собрался...	126
Спроси любого мудреца...	127
У моей Любашки волосы – ромашки...	128
Глаза я Ваши – лучшие из глаз...	129
Неплохо, зная, Еве живётся в раю...	130
Жена меня ругала, как хотела...	131
За окнами трещат ещё морозы...	132
Я не понял ни слова из слов...	133
Предлагает она из всех сил...	134
Не в Лондоне, не в Кракове...	134
На меня зафыркал месяц...	135
Знаешь, Шарик, ты хоть и собака...	137
Расстегнула кофточку...	138
Ну, потанцуй со мной. Как прежде...	139
На шею петлю. Поминай, как звали...	139
Свою любовь навеки прокляну...	140
Свою судьбу благодарю...	141
Плачет Ева: «Как мне быть...	141
Утром звал сосед соседа...	142
Мне как-то Бог сказал, как сыну...	143
Спид	144
Задала ты мне работку...	146

Я битву страшную веду...	147
Бальзамин	148
Безглагольное	148
Клара	149
Вышел скотник Иванов...	150
Дядя Коля, выпив чарку...	151
Собирались Васька с Сашкой...	151
Рецепт	153
Платите деньги, господа...	153
В мире зверья	153
Коммунизм	155
Пролетарии	156
Унитаз	157
Перестройка	158
Был когда-то и я молодым...	160
Лук	160
Тень	161
Куда-нибудь, зачем-нибудь...	162
Поэту	163
Спи спокойно. Спелой рожью	163
Шутка	164
Говорила мама, как всегда, со смехом...	164
Опять затеял ветер перебранку...	165
Я сегодня опять сам не свой...	166
Да, надо жить, но как не знаю...	167
Лестница крутая...	168
Мы забрели с тобой на пляж...	169
Начитался всякой дряни...	169
Поэты думают стихами...	170
То болезни, а то неудачи	170

Наш клуб деревенский. На медленный...	171
В давние минуты...	173
Здорово, Вася, я из автомата...	174
Крикун	175
В Китае каждому вору...	177
Утро	177
Любовь приходит по весне...	178
Дураки шагают в горы...	178
Тебе сегодня восемнадцать лет...	179
Налью вина, на стол наставлю снеди...	180
Я – строитель, я строю...	181
Жена нашла в шкафу бокал...	182
Есть много бед, и их едва ли...	183
Здравствуй, дорогой мой, милый дядя Ваня...	183
Кораллы	184
Кокос	184
Не врите на иврите...	185
Трезвый ты, а может, пьяный...	185
Расскажу вам историю грустную...	185
Не верит никто в чудеса...	186
Мы сели с женой на диету...	187
Мне наплевать на то, что было...	188
Стихи писать – пора настала...	189
Всё, что рождается, то умрёт...	189
Грибы	189
Бога просил я о счастье...	192
Слёзы в её глазах...	192
Старая фотография...	192
Солнце греть перестало...	193
Пухлые губы...	193

Нега, покой, безмятежность...	193
Скрипка запела...	193
Волос обрезала...	193
Бумага была письмом...	194
Гром ударил...	194
И читать не хочу, и писать неохота...	194
По мере сил кропаем мы стишки...	195
Супчик был бы – красота!..	195
Не для почёта, не для славы...	196
Что-то гонит меня от версты до версты...	197
Что ж, прощай навсегда, Кош-Агач...	197
Знатоки говорили спесиво...	198
На столе стоит коньяк...	199
Много дорог по свету...	200
Незавершённое и наброски	202
Где дремучие леса...	202
Эх, судьба раскрутилась рулеткой...	203
Стихи, стихи, кому-то шалость...	204
Без опросов и без референдумов...	204
Ходит, бродит по дорогам...	204
Самый худенький кузнечик...	205
Байкал	206
Бывает любовь на нежность...	207
Вроде сделано всё как надо...	207
Гремело всё и грохотало...	207
Давай, племянник, выпьем что ли...	208
Я устал, я хотел отдохнуть...	208
Нас четверо. Четыре брата...	209
Как же тут не кричать, не охать...	209
Как хорошо в своей квартире...	210

Лето где-то опять заблудилось...	210
Напитай меня надеждой, светлый день...	210
У вас наряды модные, сами вы красотишки...	211
Ночь, как кофе темна. На крупички...	211
Опять туман – цветение сирени...	211
По Волгодонску гордо...	212
Расшумелся мужик, разбуянился...	213
Сижу один, пью водку из стакана...	214
Что, скажи мне, тебя так встревожило...	214
Я б уехал с тобой в Бугульму...	215
Я вновь ушёл, я растворился в думах...	215
Дверь закрою на крючок...	216
Так всякий раз случается...	216
Может быть, кто-то когда-то...	217
Меня не радует любовь...	217
Вчера газеты многих стран...	218
Горевала ты, горевала...	218
И спать не хочется, хотя уж полночь...	219
Кому-то нравится малина...	219
Жизнь, как пьяная баба, крутится...	219
Я вновь ушёл, я растворился в думах...	220
Уж спать, наверно, в пору...	220
Путь сквозь тернии так долог...	221
Хиреем да мельчаем...	221
Сказал мудрец: «О прошлом не жалеи...	222
Сжимаю горло, чтобы не петь...	222
Города, совсем как люди...	222
Не стареют наши города...	222
Земля, как губы твои, юна...	223
Не в Польше, не в Иране...	223

Жила-была принцесса...	226
Вот и осень пришла настоящая...	227
Писать или нет? Задумайся немного...	227
С неба капнули слёзы...	227
Обидеться, лицом в подушку...	228
Любви взаимной только «Браво...	229
Солнце лимоном всходило...	229
Мы волгодонцы...	230
Она в костюме стильном...	231
Небо синее, как море...	231
Жизнь – есть движение вперёд...	231
Что такое сущность бытия?..	232
Валя сделала причёску...	232
Я и спорить-то не спору...	232
Я там любил и был любим...	232
Сом и дом	233
Меня сегодня ангел посетил...	233
Под землёй во тьме лежит...	234
Люблю тебя одну...	234
Если вы себе на грудь...	234
Съели мальчики хот-доги...	235
Не сказка всё это, не сон...	235
Манит, манит к себе не Маня...	235
Шагаю левой я ногой...	235
Я сказал своей старухе...	236
И зачем, скажите, нам эти референдумы...	236
Крушение. Шлюпки. Как прежде...	236
Ах, милый Серж, я так скучала...	237
Я думаю, уже пустые разговоры...	237
Спаси, Господь, мою страну...	237

Покоя нет. Он и не снится...	237
Не греет солнце и не светит...	237
А вот и Греция...	238
Я долго молчал, был хмурым, как зубры...	238
Мне врачи сказали: «Надо...	238
Флаги над крышами реют...	238
Гоняют шайбу во дворе?..	239
...оказия зато красив и смел...	240
Бог наградил соловья...	240
Я брожу целый день по околкам...	240
Если б было царство у меня...	240
Вы, люди, – гнусные вампиры...	240
Ночь, как вино по жилам...	241
В дамские туалеты...	241
Имбирь	241
А в округе вонь машин...	241
Отняла жизнь последние силы...	242
«Наша Таня громко плачет...	242
Много грустных и страшных историй...	242
Вспять даже речка не течёт...	242
Ящерица	242
Акула	243
Не было б коней...	243
Лозунги – тоже жизнь...	243
Что хочешь делай, выйдет пшик...	243
Забыли собрать облепиху...	243
Завяла роза у окна...	244
Вечерние страсти, как сырость ночная...	244
Господи, дай силы...	244
Иду с клюкой незнамою дорогой...	244

Мы думали, всё это шутки...	245
Никто не помнит своего начала...	245
Родина наша не там и не тут...	245
Писать о любви без неё...	245
Привет, учёная машина...	246
Такая жизнь вокруг противная...	246
У нас это часто бывает...	247
Я на лодке плаваю по реке, как улицей...	247
Я уйду куда-нибудь подальше...	247
Сколько будет дважды два?..	248
В вечность, как в зеркало, смотрит...	248
Пройдёт всего полгода...	248
Давай, родная, выпьем по сто грамм...	248
Было время, когда солнце...	248
Розы маленьким пожаром...	249
Как пережить такой позор...	249
Предлагает она из всех сил...	249
За поцелуи и за ласки...	250
Ты не думай о ней худого...	250
И опять кровожадная ночь...	250
Нынче ночь пропала даром...	250
Наблюдала с Колей я...	250
Все люди разные...	251
Однажды лилипуты...	251
Я вам твердо обещаю...	251
Водка с запахом, но сок...	251
Вновь просыпалось ненастье...	251
Меня просили о любви...	252
Убедиться, что там можно...	252
Васька около ворот...	252

Одни гоняли басурман...	253
Что-то Дон разбушевался...	253
Здесь и уют и чистота...	253
Я не болен и не пьян...	253
Ещё пичуги не кричат...	254
Мы с тобой повстречались...	254
Тонут деревья в дожде...	255
Шрамы украшают мужиков...	255
В больнице	255
И рухнул город Вавилон...	255
Сонной ночью шестокрыл...	256
Собрались в одной берлоге...	256
Без ноги хоть «Марсельезу»...	257
Поглядела: ё-моё...	257
Туши огни души...	257
Вяз вёз воз...	258
За валюту бьют по «кринке»...	259
Было время, поэтов поганили...	259
Присел паук на паутине...	260
Зачем ты лишила покоя меня...	260
То, что любим, то и рушим...	260
Интересная всё же штука...	261
Люди едут за границу...	261
Спасибо, доктор, вы меня спасли...	263
Приехали участники...	263
Плохо тому, кто не любил...	263
Когда печать подорожала...	264
Друг у друга прощенья попросим...	264
Я иду в неглаженной сорочке...	264
Мои слова для людей не законы...	264

Утаить нам не дано...	264
Все добывается потом и кровью...	265
Нередко жизнь, нам данную с небес...	265
Любой мужик наверное, пристроить...	265
Мне от тебя не скрыться...	265
Я в молодости был художником...	266
Расцвёл сверхранний абрикос...	266
Пили дружно «Изабеллу...	266
Синею расчёскою...	266
Может быть, мне и не гоже...	267
Ну как, скажите, жить иначе...	267
Жёлтой краски мазки...	268
..... время...	268
А завтра я уж буду старше...	268
...там на золоте священном...	269
Объясняю, душа моя вроде бы...	269